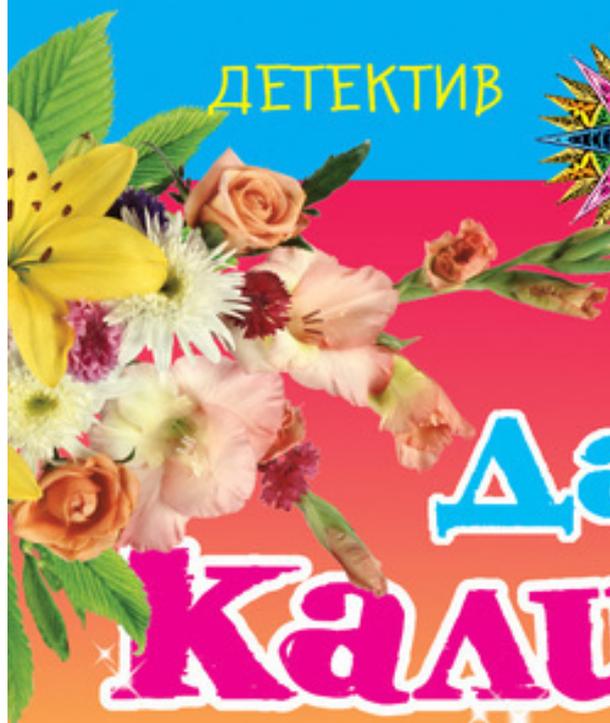

ДЕТЕКТИВ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Дарья Калинина

Дарья Калинина
К колдунье не ходи

«ЭКСМО»

2013

Калинина Д. А.

К колдунье не ходи / Д. А. Калинина — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-65676-9

Инга и не думала, что ее маленькое детективное хобби и уникальное «везение» попадать в различные неприятности сослужат такую хорошую службу. Вместе с лучшей подругой Аленой Инга берется за новое расследование. Сергея, брата мужа Алены, задерживают по подозрению в убийстве его молодой мачехи, Ульяны Филипчук. Приехав из Канады, чтобы получить наследство от недавно скончавшегося отца, Сергей никак не ожидал столь поразительных новостей: его престарелый, сильно пьющий отец не только пару лет тому назад женился на молодой девушке Ульяне, но и ухитрился произвести на свет маленького Колю! Конечно же, обнаружив Ульяну убитой, полиция задерживает Сергея. Корыстный мотив налицо! Но чем больше Инга размышляет над этим делом, тем яснее понимает: похитить ребенка Сергей не мог. А младенец Коля непостижимым образом исчез...

ISBN 978-5-699-65676-9

© Калинина Д. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дарья Калинина

К колдунье не ходи

Глава 1

Есть люди, предпочитающие превращать свою жизнь в сплошной праздник. Есть те, кто предпочитает тишину и спокойствие. А есть и такие, для которых тишина и покой – это уже само по себе праздник.

Инга относилась именно к этой последней категории граждан. Ее соседи сверху затеяли делать ремонт. Одновременно с ними к соседям снизу приехали родственники с Кавказских гор, в количестве трех человек. Гости – это само по себе штука шумная, а уж гости, любящие застольные романсы и плохо ориентирующиеся во времени, – это вообще суший кошмар. Инга могла подтвердить это на личном примере. Вечернее застолье у ее новых соседок плавно перетекало в утренний завтрак, который так же плавно мог вновь перейти в ужин.

Теперь в квартире Инги абсолютной тишины не бывало никогда. Стоило мастерам наверху закончить свой рабочий день и собрать инструмент, как в дело внизу вступал многоголосый кавказский хор. Нельзя сказать, что мужчины пели плохо, вовсе нет, очень даже красиво они пели. Особенно выделялся один, с красивым густым басом. И в первый вечер Инга даже наслаждалась бесплатным концертом. Но когда он повторился на второй, а потом и на третий, и на четвертый день, Инга затосковала.

Она даже подумала, а не пойти ли ей к соседям и не попросить ли их петь потише, но как раз в этот момент пение внезапно оборвалось.

– Неужели все? – невольно насторожилась Инга.

Ее музыкальный слух подсказывал, что до конца песни оставалась еще пара куплетов. Почему же они замолчали? Ответ пришел почти сразу же.

– Ва-а-ах! – закричал гортанный мужской голос. – Ты не прав!

Конечно, он произнес какое-то другое слово на своем родном языке, но Инга, прежде не замечавшая за собой таланта транслейтера, сама того не ожидая, перевела данный выкрик совершенно точно. Уже в следующий момент кричали все, кто был в квартире.

– Хоть бы они не поубивали друг друга!

Но в глубине души Инга оживилась. Если внизу случится драка, она вызовет полицию без колебаний. Позвонит участковому Татаринцеву и сообщит о нарушении общественной тишины и порядка. На всякий случай Инга взглянула на часы. Они показывали без десяти минут одиннадцать. Сколько же ей выждать, прежде чем позвонить в полицию? Она засекала по часам: яростный спор продолжался около четверти часа, а затем прекратился так же внезапно, как и начался, и вновь послышалось дружное пение.

– Это невыносимо! – застонала Инга, прекрасно понимая, что если на звуки драки полиция еще могла бы откликнуться, то в случае застольного пения об этом и мечтать нечего. – Что же мне делать?! Куда податься?!

Поняв, что драки ей все равно не дождаться, Инга взяла телефонную трубку и набрала знакомый номер участкового Татаринцева. Инга надеялась, что он сможет решить проблему. Этот достойный господин имел на нее кое-какие виды. Во всяком случае, чай он к ней заходил пить гораздо чаще, чем к соседке бабе Варе – местной сплетнице, служившей на добровольных началах полицейским осведомителем. Вот пусть и разберется с этими «певунами».

Инга дождалась ответа и представилась. Но Татаринцев, против ожидания, ее звонку явно не обрадовался. Напротив, он смутился:

– Инга... я понимаю, вы звоните, потому что я давно к вам не заходил.

– В самом деле?

Инга была изумлена. Она как-то и не заметила, что Татаринцев давно не появлялся у нее в гостях.

– А не приходил я потому, что считаю, нам с вами надо проверить наши чувства.

– Чувства?!

– Вы же понимаете, у меня есть чувства...

– Ко мне?

Татаринцев не ответил. Он лишь повторил, что они должны проверить свои чувства, а для этого им нельзя видаться. Голос его звучал так серьезно, что Инга не решилась лезть к человеку со своими проблемами. У человека чувства, а она тут с какими-то мелкими нарушителями суется! Неудобно, право слово.

Но, повесив трубку, Инга вновь оказалась со своей проблемой один на один.

Мелькнула даже мысль – снять номер в гостинице. Но Инга быстро эту мысль прогнала как нелепую. Во-первых, и это было самое главное, она не любила гостиниц и отелей, где чувствовала себя не в своей тарелке, в гостях. В любой момент в номер могла постучаться горничная или заявиться администратор с каким-то вопросом. А это напрягало. У каждого человека есть свои странности. Например, Инга не выносила, когда ее затворничество грубо нарушали.

И второй пункт, также немаловажный, заключался в том, что гостиничный номер в Питере стоит приличных денег. Во всяком случае, приличный номер в приличной гостинице точно стоит прилично. А крохотную комнатку, где только и помещается, что пара кроватей и тумбочка, Инга и сама бы на свою квартирку не променяла. Пусть даже тут наверху стучат, а внизу поют.

– Может быть, уехать куда-нибудь? Например, в гости? К Алене?

Аленой звали ближайшую подругу Инги. И, вспомнив о ней, Инга внезапно почувствовала, как она соскучилась.

– А что? – продолжала она развивать приятную ей мысль. – Правда, поеду к Алене. Тем более что она давно меня приглашает и даже обижается, что я все не еду к ней. Решено! Поеду! Прямо сейчас соберусь, а с утра – на вокзал!

Инга отправилась к телефону, чтобы позвонить Алене и порадовать подругу неожиданным известием, но была остановлена на полпути звонком в дверь. Взглянув на часы, Инга поежилась. Как уже говорилось, часы показывали одиннадцать часов вечера с минутами, и так поздно к ней мог бы прийти разве что любовник. Вот только любовника у Инги не было. Впрочем, как и мужа. Первым она до сих пор не обзавелась, а второй сбежал сам.

Муж Инги проживал ныне на берегах реки Темзы, как и ее сын Юра. Так что прийти в столь поздний час к ней они никак не могли. Тем более что оба были безупречно серьезны и правильны – до слез и зубовного скрежета и, конечно, о своем визите предупредили бы Ингу заблаговременно.

Поэтому Инга осторожно подкралась к двери и прильнула к дверному глазку. Ей совсем не улыбалось вступать в разговоры с бабой Варей – известной всему дому сплетницей. Если там баба Варя, которая вербует себе сторонников для очередной битвы, то Инга просто сделает вид, что ее нет дома. К счастью, на улице лето, свет в окнах у Инги не горит. И даже если баба Варя выйдет на улицу, чтобы выяснить, включен у Инги в квартире свет или же все лампы погашены, ничего она не узнает.

Правда, если Инга сейчас не откликнется, это даст бабе Варе повод начать говорить всем и каждому, что Инга не ночует дома. Но, в конце концов, Инга уже не маленькая, имеет право ночевать там, где ей нравится. Конечно, не очень здорово, если все начнут осуждать ее за ее спиной, но все лучше, чем беседовать с бабой Варей.

Или, может быть, лучше сказать, что она приболела? Баба Варя страшно боится всякого рода заразы, небось, услышав про возможный грипп у соседки, она просто сбежит обратно к

себе домой, а дверь изнутри занавесит гирляндой с нанизанными на нитку чесночными дольками.

У нее уже приготовлена одна такая гирлянда, Инга ее видела, когда случайно столкнулась с бабой Варей нос к носу у открытых дверей ее квартиры. И еще тогда, не сдержавшись, она в шутку спросила: не боится ли уж баба Варя вампиров? На что соседка ей совершенно серьезно ответила, что вампиры ей по барабану, а вот от очередного витка птичьего гриппа она намерена защищаться всерьез.

Но, прильнув к дверному глазку, Инга увидела на площадке не бабу Варю, а совсем другого человека. Вернее, двоих людей. Вернее, троих. От удивления Инга даже рот открыла. И, распахнув дверь настежь, воскликнула:

– Откуда ты тут взялась?! А ведь я сама к тебе собралась ехать!

Потому что за дверью стояла ее ненаглядная Алена, широко улыбалась и даже махала Инге рукой:

– Я уже тут! И ехать никуда не надо. Рада?

– Очень! – искренне воскликнула Инга. – И тебе, и твоим спутникам! Здравствуйте, мои дорогие!

За спиной Алены стоял ее муж – Василий Петрович – обаятельный крепышок с круглыми румяными щеками и совершенно седой головой. Впрочем, в отличие от многих своих сверстников, Василий Петрович к своим шестидесяти пяти годам сохранил почти полный набор волос, так что на голове у него топорщилась настоящая седая грива, как у старого, но не постаревшего душой льва.

– Здравствуй... Вася.

Василий Петрович страшно обижался, когда Инга называла его по отчеству и на «вы». Но хорошо воспитанной Инге приходилось неизменно делать над собой усилие, обращаясь к человеку старше ее по возрасту просто по имени.

Вместо ответа Василий Петрович сгреб Ингу в охапку и расцеловал ее в обе щеки.

– Бледненькая-то какая стала! – тоном доброй тетушки попенял он Инге. – Сколько тебе говорить, городской воздух вреден для твоего здоровья!

Инга не могла ничего на это ответить. Василий Петрович так крепко прижал ее к своей могучей груди, что она даже дышать не могла, не то что говорить.

– Василий Петрович, вы бы отпустили Ингу. А то, не ровен час, задушите.

Это посоветовал хозяину третий член нагрянувшей к Инге компании – охранник Ваня. Был он широк в плечах, добр на лицо и беспощаден ко всем врагам своих хозяев. Но коли Василий Петрович раз и навсегда полюбил Ингу – лучшую подругу своей жены, значит, и Ване она должна быть по вкусу. Раз она дорога хозяину, значит, Ване нужно включить Ингу в круг своих непосредственных обязанностей. То есть он должен следить за тем, чтобы ее самочувствию не нанесли бы урон.

Постепенно Ваня так вжился в эту роль, что сам того не заметил, как стал относиться к Инге куда серьезнее, чем просто к объекту охраны. Вот и сейчас он смотрел на нее со смешанным чувством смущения и радости.

– Ты мне указывать будешь? – подскочил от негодования Василий Петрович. – Кто тут босс? Ты или я?

Короткие ноги Василия Петровича были неизменно широко расставлены, оттого казалось, что мужчина сейчас же ринется в бой. Но это был чистой воды обман. К своим близким Василий Петрович был добр, а выпив стаканчик-другой горячительного, так даже и нежен.

Несмотря на это, Ваня исправно сыграл роль покорного слуги, опасаящегося прогнать своего сурового хозяина:

– Вы у нас босс. Кто же с этим спорит?

– И что, я не могу уже и женщину красивую обнять без твоего нытья?

– Молчу.

– Вот и молчи! – сердито подвел черту Василий Петрович.

И он вновь перевел взгляд на Ингу, которая к этому времени уже успела немного отдышаться.

– Вот что... До места я твою подружку доставил, а дальше вы уж с ней сами разбирайтесь. Я в ваши женские дела не лезу. Общий сбор назначен на завтра в десять ноль-ноль. Хватит вам времени, чтобы пощебетать обо всем?

Инга кивнула. И взглянула на Алену. Что происходит? Почему они все приехали, а ее даже не предупредили? Но Алена – тоже взглядом – дала понять подружке, чтобы она не лезла вперед телеги.

– Спровадим мужиков, и я все тебе объясню, – шепотом произнесла она.

Конечно, Инга не могла не пригласить Василия Петровича и Ваню выпить чаю с дороги. Они добирались из своих «Дубочков» не один час. И хотя Ваня был отличным водителем, такая дорога не могла его не утомить.

Но хоть Ваня был явно не прочь, Василий Петрович утянул его за собой. Им еще предстояло добраться до городской квартиры супружеской четы, которая в отсутствие хозяев стояла в запустении, и привести ее в порядок к возвращению хозяйки.

Впрочем, обустройством быта должен был заняться Ваня, который был не только охранником, шофером, но и мастером на все руки, а когда нужно, так и горничной, и поваром, и грузчиком. Этот высокий немногословный мужчина, повидавшей в своей жизни не одну «горячую точку», обрел наконец семью и дом, повстречав Василия Петровича и взяв над ним шефство.

Однако сейчас Ване совсем не хотелось уходить от улыбавшейся и явно обрадованной встречей Инги. Охранник не сводил с нее глаз, не глядя на стоявшего на пороге Василия Петровича.

– Нам с тобой, Ваня, уже давно на боковую пора, – уговаривал тот охранника. – Не забывай, у нас с тобой завтра очень тяжелый день предвидится. А сегодня еще лежище себе обустроить нужно.

– Домработница все сделает. Я ей уже позвонил.

– Уборщица только завтра с утра появится. Лежище на ночь нам с тобой самим придется готовить.

– Да помню я, Василий Петрович, – с нескрываемой досадой отвечал Ваня, все еще держа голову вполоборота и косясь на Ингу. – Только чаю мы могли бы и выпить. Шутка ли – шесть часов за рулем! В глотке все пересохло.

– Идем, идем, Ваня! Чаю он захотел! Сейчас в ресторане попьем чайку. А я так и от чего покрепче чая тоже бы не отказался.

Наконец, голоса мужчин затихли внизу. А спустя секунду хлопнула входная дверь. И Алена кинулась на шею к Инге:

– Наконец-то они свалили! Ура! Свобода!

– Объясни мне скорей, как вы тут все очутились? Я ведь и правда к вам собиралась ехать. А тут вдруг вы пожаловали! Совпадение?

– Единство мыслей и чувств, – предположила Алена и не удержалась, спросила: – А ты чего к нам собралась? То тебя не дозовешься, то сама напроситься решила.

– Так... – не стала распространяться Инга. – Захотелось вдруг что-то.

– Ты, это, вокруг да около не вилай, – приказала ей Алена. – Я ведь тебя сто лет знаю. Говори, что у тебя случилось?

– Ничего не случилось.

Инге не хотелось говорить о музыкантах, поселившихся внизу. Ремонт – еще ладно, с ремонтом у соседей ни один несчастный не сладит. А вот узнав о том, что она не смогла призвать к ответу распевшихся джигитов, Алена бы подняла подружку на смех. Сама Алена с такими

вопросами расправлялась на раз-два-три. Просто сообщала о возникшей проблеме мужу, и проблема решалась. Алена настолько привыкла, что Василий Петрович всегда есть под рукой, что уже не задумывалась о том, как живут другие люди, у которых таких всемогущих крепеньких волшебников не имеется.

И поэтому Инга лишь повторила:

– Ничего у меня не случилось. Все в полном порядке.

– Ну, а у нас – так нет!

Алена отреагировала так, словно только и дожидалась возможности излить Инге душу. Скорее всего, так оно и было. Догадка Инги была близка к истине. В поместье, которое купил и заботливо обустроил муж Алены, было все, что требовалось его широкой русской душе. Но вот Аленкиной душеньке чего-то там на просторах среднерусской полосы все же не хватало. А попросту говоря, Алене в сельской глуши было скучно.

Муж коротал свободное время в обществе местных мужиков, Вани и нескольких бутылок отличного самогона, который гнали под его личным руководством и который он считал самым лучшим пойлом на всем свете. И еще у Василия Петровича было любимое занятие – хобби. Он всю свою жизнь обожал скаковых лошадей, любовался ими и восхищался их мощью. И теперь тратил все свое время, силы, да и финансы на выведение новой верховой породы, которая могла бы поднять престиж России в этом вопросе на прежний, еще царский, уровень.

Итак, у Василия Петровича имелось сразу два любимых занятия. А Алена была лишена всего того, что ей было дорого и любимо – шопинга, ночных кутежей, а самое главное, возможности ежедневного и ежечасного общения с подругами. Ради любимого мужа Алена терпела, сколько могла. Но иной раз она все же срывалась и улетала куда-нибудь – в Рим, Милан, Москву или Питер.

Но сейчас Алена буквально светилась от радости. Ее просто распирало от желания сообщить подружке потрясающую новость о том, что произошло в их семье. И поэтому Инга совсем не удивилась, когда она, даже не дожидаясь, пока ей нальют чашку чая, взяла и выпалила:

– Сергей вернулся!

– Какой Сергей? – машинально отреагировала Инга.

– Ну, ты, мать, даешь! Как можно забыть Сергея? Сергей – брат моего Василия Петровича!

– Сережа вернулся?!

Неудивительно, что Инга повысила голос. Было от чего прийти в изумление. Ведь Сергей – это был брат Василия Петровича, эмигрировавший в Канаду еще в конце девяностых годов и сгинувший там в неизвестности. Во всяком случае, так полагали его родственники, не получившие за пятнадцать с лишним лет от своего родственника ни единой весточки.

Отец и мать Сергея и Василия Петровича умерли, так и не повидавшись напоследок со своим младшим отпрыском. Василий два раза пытался разыскать и вернуть брата на родину, чтобы родители могли с ним нормально попрощаться, но оба раза потерпел фиаско. Даже ради своих родителей Сергей не пожелал приехать в страну, однажды им отвергнутую. Оба раза он отвечал, что приехал бы с удовольствием, но дела не позволяют. А затем просто менял место жительства и снова исчезал где-то на просторах Канады.

После похорон отца Василий Петрович махнул рукой на брата и заявил, что Серега для него отныне все равно что мертв. Он так часто твердил об этом окружающим, что все невольно прониклись его словами и сами стали думать, что, если Сергей не дает о себе знать, наверное, его и в живых-то нет!

– Выходит, он все-таки живой?!

– Живой, целый и невредимый. Всплыл. Да я всегда говорила, что Серега – это такая вещь, которая не тонет. И не возражай мне!

– Я и не возражаю. Помню, как ты его не любила.

– И было за что!
– Все равно, интересно будет вновь с твоим свояком повидаться.
– Потому мы из «Дубочков» и примчались. Жаль только, что повод не очень радостный.
– А что случилось?
– Батя у Сергея умер.
– Отец?! Ой, какое горе! Хотя, подожди... Разве Василий Петрович не похоронил своего отца?..

– Как это – не похоронил? – удивилась Алена. – Своего папашу он уже лет пять как оплакал. Ты что, забыла?

Инга вспомнила мокрое от дождя кладбище, группу людей, пышно убранный гроб и оркестр, игравший траурную музыку. Похороны были очень красивыми и тщательно срежиссированными. Ни одного прокола на всем протяжении многочасового действия не случилось. Чувствовалось, что над организацией похорон старательно потрудились профессионалы высокого класса. Именно в таких условиях и следовало отправляться в последний путь отцу современного олигарха.

– Но если отец Василия Петровича умер пять лет назад, то кто же умер сейчас?

– Отец Сергея.

– Но... но ведь они братья? Твой Василий Петрович и Сергей?

– Верно. Братья – по матери. Мать сначала Васю моего родила, а потом Серегу, но уже от другого мужчины. А потом она к Васиному папе вернулась. С детьми. Так он двух пацанов и воспитывал. Понятно? Одного – своего, второго – чужого. Золотой был человек, мир праху его.

Инга покачала головой и откровенно призналась:

– Не очень понятно, как такое могло произойти.

– Ну, и не важно! – отмахнулась от нее Алена. – Давняя это история, для нас с тобой неинтересная. Главное, что Серега вернулся из своей Канады и теперь жутко хвастается своими тамошними достижениями. Дескать, и поместье у него не чета нашим «Дубочкам», а раз в десять больше, да еще с лесом, где охотиться можно, и зверья всякого полно, сколько душе угодно. И олени у них на газоне перед домом пасутся, и зайцы скачут. А уж белок, опоссумов и прочей мелкой живности вообще не пересчитать, не перестрелять!

– Это правда?

– Брехня, как и все остальное. Вася навел справки, в последнее время Сергей жил на пособие по безработице.

– Надо же... вернулся... – задумчиво пробормотала Инга. – А ведь Василий Петрович брата своего умершим считал.

– Еще бы! Как уехал, так ни звонка, ни весточки.

– Я помню, Василий Петрович его даже искать пытался?

– Один раз нашел, сам брату позвонил, на похороны матери звал. Так Сергей ему несколько слов сказал, потом на занятость свою сослался и не перезвонил больше. Адрес сменил даже, переехал. Как свекор мой умер, Василий Петрович снова на рычаги нажал, брата нашел. И снова – облом, общения никакого не получилось. Не хотел Сергей с российской родней общаться. Знал, что после смерти отца с матерью ничего ему из наследства не обломится. Квартиру, что ему подарили в счет наследства, он продал, еще когда в Канаду уезжал. Ну, а ту квартиру, в которой родители, выйдя на пенсию, жили, им Вася сам купил, на свои собственные деньги. На ту квартиру Сергей никаких прав не имел. Поэтому, думаю, он и не приехал на похороны.

– А как Вася отреагировал на такое поведение брата?

– Как он мог отреагировать? Будто ты сама Василия Петровича не знаешь. Он долго запрягает, да быстро едет. Один раз попытался, второй, а потом мой Вася просто плюнул и решил: нет у него больше брата. Так и жил до недавних пор.

– А теперь, выходит, Сергей сам позвонил?

– В том-то и дело, что сам! И я вот что думаю: а к добру ли это?

– С чего вдруг у тебя такие мысли?

– Ты так говоришь, будто не помнишь, что это за фрукт – младший братец моего мужа! Я тебе что, не рассказывала, сколько он своим родным крови попил? Да отец моего Васи, может быть, через пасынка так скоро на тот свет и угодил! Переживал, что Серега их с матерью и знать больше не желает.

– Так уж и из-за этого? – усомнилась Инга. – У него ведь сердце было больное.

– Ну! А проблемы с сердцем не на ровном же месте возникают. Повод был, чтобы сердце болело, вот оно и занедужило.

Инга пожала плечами. Сама она младшего брата мужа Алены видела всего несколько раз в жизни, тогда он держался вежливо, шутил и показался Инге обаятельным мужчиной. Он был так же невысок ростом, как и Василий Петрович, но, в отличие от коренастого старшего брата, обладал более изящным телосложением. Внешне Сергей напоминал херувима, что вводило плохо знающих его людей в заблуждение.

Но Инга к их числу не относилась. И о подвигах младшего брата Василия Петровича она и впрямь слышала много. Поучившись в трех институтах, но так ни один из них и не закончив, Сергей остался без высшего образования, но каким-то образом избежал службы в армии. Всю свою жизнь этот человек занимался тем, чтобы ничем не заниматься, но при этом хорошо жить, мягко, а главное долго, спать и вкусно есть. И кое в чем Аленыны упреки были справедливы. Крови Сергей у своих родных выпил немало.

И вот теперь этот эгоистичный, избалованный, себялюбивый человек вернулся на родину, чтобы похоронить родного отца. Вероятно, с годами Сергей сильно изменился, потому что тот Сергей, которого знала Инга, никогда бы так не поступил.

– Что-то у меня не складывается, – произнесла Инга. – Сергей даже тех родителей, которые его вырастили, воспитали и на ноги поставили, ни в грош не ставил. Так почему он пересек океан и пролетел тысячи километров из-за человека, которого почти не знал?

– В том-то и дело, – многозначительно произнесла Алена. – Зачем он приехал? Ты мне скажи это, как умный человек умному человеку. Верить ты в то, что Сергей только ради того, чтобы свой сыновний долг выполнить, явился? Или у него иное на уме?

Но так или иначе, а этот вопрос должен был решиться уже завтра. Ведь на следующий день Василий Петрович отправлялся на встречу со своим братом, которого не видел вот уже много лет подряд. Событие волнительное само по себе, становилось еще более тревожным от предчувствия какой-то каверзы, которую готовил своим близким неугомонный братец.

Если бы подруги да и сам Василий Петрович могли предположить, какие неприятности, словно ливень из тучи, прольются на их головы в самое ближайшее время, они бы и близко к эмигранту не подошли! На пушечный выстрел бы к нему не приблизились! Вернулись бы в свои «Дубочки» и носа бы оттуда не казали до тех пор, пока заокеанский родственничек не отбыл бы обратно.

Весь следующий день подруги были предоставлены самим себе. Им надлежало походить по магазинам, купить себе обновки, посидеть в уютном маленьком кафе, а затем продолжить шопинговать. Именно такую программу разработал для своих «девушек» Василий Петрович. Он же щедро снабдил супругу дежурной золотой карточкой, велел потратить к его возвращению все, что на ней было.

– И ни в чем себе не отказывайте, девочки.

Василий Петрович отправился на встречу с братом, а потом обещал забрать жену и ее подругу и отвезти их в ресторан, вкусно накормить и удовлетворить их любопытство.

– Все-все вам расскажу, ничего не утаю.

Василий Петрович был в возбужденном состоянии. Он заранее предвкушал, каких оплеух навешает «заблудшему» братцу за то, что тот столько лет не давал о себе знать.

Между старшим и младшим братьями с детства шло соперничество. За любовь родителей, за похвалу отца, за доброе слово матери. Нельзя сказать, что родители воспитывали мальчиков в особой строгости. Иногда, случалось, и наказывали, но по большей части – хвалили. Однако обоим братьям было мало той похвалы и внимания, которые доставались каждому из них. Им обоим все время казалось, что другого брата любят больше. И оба мальчика из кожи вон лезли, чтобы доказать, что именно он – самый лучший, самый замечательный, самый наилучший родительской любви и ласки.

И даже теперь, когда родители были давно мертвы, Василий Петрович чувствовал, как былое соперничество вновь заставляет бурлить его кровь. Она бежала по венам, как когда-то у шестнадцатилетнего подростка, притащившего домой аттестат с одной лишь четверкой. К сожалению, в том же одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году были отменены серебряные медали. Поэтому Васе вместо медали досталась лишь грамота «За улучшенное изучение отдельных предметов».

Но Вася гордился и такой заслугой. Все равно он – молодец, учится куда лучше Сереги, которого ему приходилось тащить на себе с первого класса, куда старший и младший пошли одновременно. Разница в возрасте между ними была минимальной. И родители решили: пусть мальчики лучше учатся вместе. Но, несмотря на все старания Васи, его братец хватал одну двойку за другой. Тройки и то были редкостью в его дневнике. И Васе приходилось прикладывать немало усилий, чтобы хоть немного вытянуть Серегу из того болота, в которое брат погружался.

Нажимая на упругую кнопочку электрического звонка, Вася предчувствовал свой скорый триумф. Скоро он «сделает» своего братца! Наконец-то родители поймут, кто из них – лучший сын!

Каково же было изумление Васи, когда он увидел, что Сергей уже дома, сидит и уминает кремовый торт, предназначавшийся явно не ему.

– А у меня одни пятерки! – показал ему Сергей перепачканный кремом язык. – Бе-бе-бе! – И помахал аттестатом, в котором и впрямь стояли одни лишь отличные оценки.

Вася онемел. Он твердо знал, что одних пятерок у его брата быть не может. От силы наберется пара-тройка штучек – по физкультуре, пению и рисованию. Но и все. Откуда его братец раздобыл себе такой аттестат?! Не иначе, очередная его выдумка, на которые Сергей был горазд!

– А где же медаль? – сообразил Вася. – Тебе должны были еще и медаль дать. Золотую!

– Ребятам дал посмотреть, – не моргнув глазом ответил братец. – Сегодня же вечером вернут.

Разумеется, медаль таинственным образом «затерялась». Родители переживали недолго. Главное, что аттестат у сына есть, на этом они и успокоились. Тем более что и медаль затем все же «нашлась».

– Это все вранье! Сережка вас обманывает! У него одни тройки и четверки. Да и те только благодаря мне!

– Вася, завидовать нехорошо. И вдвойне печально, что завидуешь ты собственному брату. В первую очередь, вы с ним – товарищи. И что с того, что он учится лучше тебя? Вы должны помогать друг другу, только так все вместе, плечо к плечу, мы дойдем до светлого и радостного дня, когда во всем мире воцарится эра всеобщего равенства и братства.

Родители искренне верили в те идеалы, которые пытались привить своим детям. И отец, и мать мальчиков много времени проводили на работе, оба были ударниками производства, и глупые, как они считали, детские ссоры оставляли их глубоко равнодушными.

Но Вася до сих пор был уверен, что Сергей тогда обманул родителей. Аттестат он подделал. А медаль... видимо, выклянчил на время у кого-то из настоящих отличников.

Впрочем, сейчас давно повзрослевший Василий Петрович постарался загнать поглубже и подальше эти непрошенные воспоминания. Вполне возможно, что брат за эти годы изменился, стал лучше, сожалеет о своих былых проделках и лжи. Это его брат, единственный близкий родственник, который есть у него в этом мире. Разумеется, если не считать Аленки. Но жена – это ведь совсем другое дело. Совсем, совсем другое.

При мысли о любимой жене на лицо Василия Петровича прокралась непрошенная улыбка. И как раз в этот момент дверь квартиры распахнулась, и перед мужчиной возник его брат. Василий Петрович узнал его в ту же минуту. Внешне Сергей почти не изменился за эти годы. Разве что немного поправился да обзавелся парой новых морщин на лице.

– Васька! Брат! Заходи скорее!

И, втащив Василия Петровича внутрь мрачной грязной квартиры, он воскликнул:

– Хорошо, что ты пришел. Привет, Вань. Ты тоже пригодишься.

Все прежние подозрения всколыхнулись в груди Василия Петровича с неожиданной силой.

– Я не позволю втягивать Ваню в твои грязные махинации! – твердо произнес он. – Если ты снова задумал какую-то аферу, то я...

– Нет, нет! погоди! – остановил его Сергей. – Знаю, что я много начудил и напроказил, но... Тут такое дело...

– Какое?

– Мне кажется, меня хотят кинуть!

Василий Петрович уже открыл было рот, чтобы сказать – и по заслугам, но внезапно произнес нечто совсем другое:

– Кто? И на чем?

И тут же обругал самого себя за мягкотелость. Будь прокляты его братские чувства! Кажется, он снова будет помогать Сергею!

Сергей был сильно взволнован. Он тяжело дышал. На щеках его ходили желваки. А вены на лбу вздулись.

– Пойдем, – поманил он брата за собой в глубь грязной прихожей, в направлении кухни, где и вовсе творилось нечто невообразимое.

Окна были грязными от пыли и паутины до такой степени, что через них почти не проникал солнечный свет. Горы грязных кастрюль громоздились вдоль всех стен кухни, словно их тут специально коллекционировали. Раковина была забита тарелками с остатками пищи. Всюду мусор, мухи и отвратительный жирный налет, в котором увязали лапками целые шеренги тараканов.

Василий Петрович хоть от природы и не был брезглив, но давно уже не попадал в такого рода места. Он испытал ужасное отвращение и шарахнулся назад, в коридор.

– Куда ты, брат?

– Что это за дыра, Серега?! – задыхаясь от вони, спросил Василий Петрович.

– Зря ты так. Неплохая квартирка. Потолки высокие, дом кирпичный. Сделать легкий ремонтик, и можно выставлять на торги.

– Чья это квартира?

– Это батина хата. Моей должна была бы стать.

– Что так? – ядовито осведомился Василий Петрович у брата. – Неужели у господина помещика в собственной усадьбе такая нехватка жилой площади?

– Квартирку эту легко можно тысячу за двести продать, – буркнул Сергей. – На эти деньги в любом уголке земного шарика жилье купить можно. Да только... Эх, что тут говорить! Сейчас сам все увидишь.

– Что я увижу?

– Идем, идемте же, – поторопил Сергей брата и его телохранителя.

И, когда все трое мужчин вновь вернулись в отвратительно грязную кухню, он указал в темный угол, где стояло засаленное кресло. Как сперва показалось Василию Петровичу, кресло было накрыто цветастой ветошью. Но теперь, присмотревшись хорошенько, он увидел, что ветошь – это пестрое платье. И это платье, в свою очередь, сидит в кресле не само по себе, а «вместе» с молоденькой симпатичной женщиной. То есть сидит женщина в платье. В руках она держала какой-то сверток и застенчиво улыбалась мужчинам.

Весь ее вид так отчаянно диссонировал с общей запущенностью и грязью, царившими вокруг, что Василий Петрович невольно изумился. Но еще больше он удивился, когда разглядел, что сверток в руках у молодой женщины шевелится. Затем из его глубин раздался требовательный писк, постепенно перешедший в громкий рев.

– Ребенок? – обрадовался Василий Петрович. – Серега, твой?

Но тут же понял, что не угадал. Лицо брата перекопилось от отчаянной злости, и внезапно он закричал:

– Да! Мой! Мой братец это! Гаденыш, который специально родился, чтобы ограбить меня!

С этими словами Сергей окончательно утратил выдержку и с проклятиями кинулся на молодую мать. Та ничуть не испугалась, а на ее лице появилось даже какое-то нахальное выражение. Было похоже, что молодую женщину эта ситуация даже забавляет, и гнев Сергея ее просто веселит. Вот только ребенок на руках испугался и отреагировал на громкий вопль Сергея таким же громким протестующим ответным ором.

Василий Петрович занял позицию между женщиной с ее вопившим малышом и Сергеем, которого удерживали у стены только могучие лапы охранника.

– Сука! Шалава! Дрянь! – изрыгал проклятия в адрес женщины Серега.

Но та, хоть и смотрела на него со страхом, убежать не торопилась. Вместо этого женщина подошла к столу, расчистила, насколько это было возможно, пространство и начала менять младенцу памперс. При этом она ласково с ним тетешкалась, что взбесило Сергея еще больше.

А Василий Петрович начал чувствовать себя персонажем какой-то пьесы абсурда. Тут все сошли с ума! Братец, девчонка, задумавшая сменить подгузник в условиях такой полнейшей антисанитарии, он сам – раз стоит тут и на все это смотрит.

И Василий Петрович потребовал у брата:

– Объясни мне все и по-человечески, или я немедленно уйду!

– Ладно.

И, высвободившись из Ваниных рук, брат начал рассказывать. По ходу его повествования Василий Петрович все больше и больше убеждался в том, что брат вновь подкинул ему подянку. Пусть на сей раз и не по собственной инициативе, но важен, как говорится, результат. А результат был таков, что волей или неволей, а Василию Петровичу придется впутаться в эту в высшей степени неприятную ситуацию.

Ведь маленькая женщина, закончившая к этому времени менять подгузники ребенку и теперь деловито кормившая его из бутылочки, была не кем иным, как мачехой Сергея – законной женой его почившего в бозе папаши. А ребенок, таким образом, являлся братом Сергея. И... и законным претендентом на наследство Сергея.

Глава 2

У Василия Петровича, внимательно выслушавшего рассказ брата, голова буквально пошла кругом. Ваня тоже выглядел ошарашенным. Он чесал в затылке и бормотал всего три слова, повторяя их вновь и вновь:

– Ну, дела-а-а... Офиге-е-еть!..

Выговорившись, Сергей заметно притих. Желание буйствовать у него пропало. И тогда впервые заговорила маленькая женщина, баюкавшая ребенка на руках:

– Вот мой паспорт, а вот свидетельство о браке с вашим отцом. А вот – мой ребенок.

Василий Петрович изучил оба документа. Молодая женщина оказалась предусмотрительной: предвидя спор о наследстве, она принесла лишь копии документов.

– Можете забрать копии, выучить на досуге, – фыркнула вдова, заметив, как Василий Петрович шевелит губами, силясь запомнить номер и серию ее паспорта.

– Благодарю. Но тут не все документы.

– Что вам еще нужно?

– А где свидетельство о рождении ребенка?

Но молодая женщина не смутилась:

– У меня его пока что нет.

– А что так?

– В ЗАГСе надо его взять. До сих пор все недосуг мне было этим заняться. Мальчик еще совсем маленький, грудничок. Я просто не успела получить свидетельство.

Василий Петрович с сомнением взглянул на нее. Пока женщина пеленала ребенка, он заметил, что тот уже пытается поворачиваться на бок. Да и для новорожденного он был слишком крупным. Впрочем, сейчас такой век и такие дети, может быть, малыш действительно родился совсем недавно. Или его мамаша – на редкость рассеянная особа. Некоторые мамашки ведь не получают документы на своих детей буквально годами. Так и живут, ни пособия их не интересуют, ни медицинская страховка, ничего.

Хотя женщина и не производила впечатления такой раззявы.

– Свидетельство о рождении – это не проблема, – сказала она. – Я узнавала, его может получить и один родитель, я, например. Свидетельство о браке есть, ребенок родился в законном браке, значит, препятствий к тому, чтобы признать его сыном моего мужа, – нету.

Сергей вновь дернулся:

– Отцу было за восемьдесят. Какие там дети?! Да он в последнее время вообще лыка не вязал! Пил, не просыхая!

– Откуда вам знать? Вас-то ведь тут не было!

– Я с отцом общался. Звонил ему.

– И часто звонили?

– С праздниками поздравлял.

– Два раза в год? – ехидно уточнила женщина. – На Новый год и в день его рождения?

– А хотя бы и так!

– Ваш отец не очень-то дорожил этим общением. Например, мне он о вас ничего не говорил.

– Потому что ты с моим батей вообще знакома не была! Аферистка!

– Нет, вы напрасно меня оскорбляете, – покачала головой женщина. – Спросите кого хотите, все подтвердят, что я за вашим папой хорошо ухаживала. Я тут уже почти год живу. И поженились мы с ним по обоюдному чувству. А насчет ребенка... Так что с того, что ваш папа был стар? Как говорится, старый конь борозды не испортит.

И женщина весело улыбнулась. Кажется, ситуация ее даже забавляла. Она видела, что пришедшие с Сергеем мужчины на ее стороне, они не позволят, чтобы пасынок набросился на нее. И от осознания этого женщина заметно приободрилась.

Между тем Василий Петрович мрачно созерцал и ее саму, и ее ребенка, и окружающее пространство:

– Вы тут жили?

– Да.

– Тут?!

– Ну да, а что вас так изумляет? Место жены – рядом со своим мужем.

Ну, иногда бы тебе, голубушка, не мешало и прибраться тут! Ситуация нравилась Василию Петровичу все меньше и меньше. Ему слабо верилось, чтобы в этой отвратительно грязной и вонючей квартире мог обитать ребенок. Несмотря на это, Василий Петрович попытался во всем разобраться, как за ним водилось, основательно.

– Для начала давайте с вами познакомимся. Как вас зовут?

– Вы же видели мой паспорт. По паспорту я – Елена.

– Да, верно. Елена.

– Но близкие зовут меня Ульяной.

– Почему?

– Не знаю, маме больше нравится это имя. Отец назвал меня Леной, но мама все равно зовет меня по-своему.

И Ульяна лучезарно улыбнулась, показав белоснежные зубки в два ряда. От улыбки на ее щеках четче обозначились ямочки. И Василий Петрович в очередной раз подумал, до чего же неуместно выглядит в этой запущенной грязной квартире молодая, красиво одетая женщина.

– Тише, тише, маленький. Тише, Коленка.

С младенцем женщина управлялась довольно ловко. Было видно, что и он хорошо ее знает. И все равно, ощущение какого-то подвоха не покидало Василия Петровича. Он привык доверять своему чутью. Именно благодаря ему он выжил и преуспел в девяностых. Но тогда чутье не замолкало в нем вообще ни на минуту. И когда Василий Петрович чувствовал, что не надо ходить вон в тот темный проулок или садиться в ту машину, он и не ходил, и не садился.

Случалось, что поэтому вместо него погибали другие люди, но кто-то же всегда гибнет, не так ли? Василий Петрович своему чутью доверял, как родному. И поэтому сейчас он изо всех сил пытался найти подвох. Искал, но не находил.

– По документам все правильно, – повернувшись к Сергею, произнес он. – Эта женщина – жена твоего бати. А ребенок – его сын и, следовательно, твой брат.

Сергей издал горестный стон:

– Не верю! Батя бы мне сказал, обзаведись он молодой!

– Вы подолгу с ним разговаривали?

– На фиг? – искренне удивился Сергей. – О чем базарить со старым хреном? Он все мозги еще до моего рождения пропил. Недаром наша мама с ним долго не выдержала. Я ведь не понимал, отчего это она от молодого и пригожего к папаше вернулась, а как с батей познакомился, все сразу понял. Алкаш он! У матери задвиг случился, да только, едва она разобралась, что из себя новый супруг представляет, быстро все переиграла и вернулась к твоему отцу, за что лично я ей премного благодарен.

– Значит, ты просто звонил отцу, поздравлял его с очередным праздником и вешал трубку?

– Ага. Пойму, что батя еще жив, и ауфидерзейн! До созвона!

– А как ты узнал, что твой отец умер?

– Позвонил – и ее голос услышал. Или не ее, а какой-то другой шмары, уж и не знаю.

– Это была я, – кивнула головой Ульяна. – А вы по телефону очень невежливо выругались.

– Новый год был давно. У твоего отца день рождения когда? – спросил Василий Петрович.

– В июле. Рак он по гороскопу.

– Сейчас только начало июня. Ты отца по телефону заранее поздравлял?

Сергей ненадолго примолк. А когда он заговорил вновь, голос его звучал смущенно.

– Сам не знаю, зачем позвонил, – признался он. – Словно ёкнуло чего-то внутри. Дай, думаю, позвоню старому хрычу, послушаю, чего он мне скажет. Ну, и позвонил. А она мне и говорит, помер, мол, батя. Схоронили его уже.

– И когда это было?

– Пять дней тому назад.

Василий Петрович изумился:

– И ты за такое короткое время успел сделать визу?!

– Виза у меня всегда открыта.

– Зачем?

– А как же? Батя у меня уже в годах. Только и ждал я, когда он копыта откинёт, чтобы вернуться и в наследство вступить.

– Из-за этого весь сыр-бор?

И Василий Петрович окинул пространство вокруг себя откровенно презрительным взглядом. В квартире имелись две комнаты и просторная кухня. Но что касается кухни, она была загажена и запущена до такой степени, что Василию Петровичу с трудом верилось, что тут обитало человеческое существо. Стены были голые, остатки обоев то ли содраны, то ли съедены с них. Потолок – буквально черный от грязи. Да что говорить, тут не было даже пола! Один бетон, кое-как и кое-где прикрытый досками. Паркет или линолеум были давно вынесены, проданы и пропиты.

В первой комнате мебели не было почти совсем. Спал покойный на досках с наваленными на них грязными одеялами, при виде которых возникало одно-единственное желание – развести хороший костер и запалить тут все! Про ванную комнату и туалет говорить не хотелось вовсе. Они были в таком состоянии... В таком... Слов, чтобы достойно описать их, у Василия Петровича не находилось.

Единственным исключением была комната Ульяны. Тут стояла вполне приличного вида кровать, застеленная чистым бельем. У стены – огромное, в человеческий рост зеркало, видимо, когда-то бывшее зеркальной дверью шкафа. И шкаф тут тоже имелся. Не бог весть что, из ДСП, но новый.

За порядком в своей комнате Ульяна старательно следила. Пол застелен ковролином, чтобы прикрыть испорченный паркет или даже скрыть полное его отсутствие. На стенах неумело наклеены дешевенькие бумажные обои, а на вбитых гвоздиках повешены дешевые картинки.

– Видите, тут я и жила.

– Не вижу кровати для ребенка.

– А зачем ему кровать? Пока он маленький, в коляске спокойно спит.

– А коляска где?

– На улице. Не таскать же ее каждый раз в квартиру. Пристегну ее на лестнице, и порядок.

Василий Петрович не стал уточнять, что по дороге сюда он не видел никакой детской коляски. В конце концов, это личное дело Ульяны, где она ее хранит.

Вернувшись в кухню, Василий Петрович понял, что и плита была новой, только очень уж грязной, в раковине текла вода, а грязные кастрюли иной раз попадались даже почти новые, с цветочками и красивыми рисунками.

– Кастрюли принадлежат мне! – поспешно заявила Ульяна.

– Никто их у вас и не отнимет.

– И еще несколько кастрюлек принесли соседки. На поминки пришло не много народу, но соседи были.

– Так ты еще и за счет соседей харчевалась! – снова накинулся на мачеху Сергей. – Сама поминки не смогла организовать, соседи из жалости кутью принесли?

– По крайней мере, Ульяна была тут. А ты? – не удержался от укора Василий Петрович. – И не стыдно тебе, Серега? Ни к нашим отцу и матери на похороны не приехал, ни к своему!

– А ты меня не стыди! Что он мне хорошего сделал за всю жизнь?

– Будь добрее к людям. И особенно – к этому малышу. Ему теперь понадобится твоя защита.

– Фига два! – завопил Сергей. – Пусть сдохнет, гаденыш! Наследство – мое!

– Наше! – возразила ему Ульяна.

– Не ссорьтесь! – пытался урезонить их обоих Василий Петрович. – В конце концов, если у тебя, Сергей, есть сомнения в том, кто является отцом малыша, можно сделать тест ДНК. Хотя тело твоего отца кремировано, но между тобой и этим малышом все равно должны найтись общие гены.

Ульяна внимательно выслушала слова Василия Петровича, но покачала головой отрицательно:

– Еще чего! Не дам я своего ребенка иголкой колоть! Он рожден в законном браке, значит, является законным сыном и наследником своего отца. И точка! Я никаких тестов делать не буду! Я и к юристу ходила, специально о правах моего мальчика узнавала.

– Вы это слышали! – взревел Сергей! – Уже и к юристам смоталась!

И он вновь вскочил на ноги. Ване пришлось проявить расторопность, чтобы не позволить Сергею вцепиться в Ульяну.

– Слышь... – прохрипел охранник. – Ты, это... того! Не тронь ее!

– Ваня, на чьей ты стороне? – рвался из его рук Сергей. – Она ведь аферистка!

– В первую очередь, она – мать. Не трогай ее! Понял?

Сергей понял и смирился. А Ульяна заметила:

– Я ведь совсем не против, чтобы разделить квартиру на троих. Одна часть достанется вам, а две – мне и моему ребенку.

– Квартира? – нехорошо прищурился на нее Сергей. – Только квартира?

– Ну да, – пожала плечами Ульяна.

– А еще кое-что ты не забыла?

– Не понимаю, о чем речь.

Ульяна чирикала очень мило, но личико ее внезапно нахмурилось. Что касается Сергеи, он взглядами метал громы и молнии. Но бушевать побаивался, памятуя о том, что тут же находятся брат и его охранник. Поэтому он ограничился тем, что свирепо уставился на Ульяну:

– Действительно не понимаешь?

– Нет. Квартира – это единственное, чем располагал мой муж. Въехал сюда в начале девяностых, с тех пор так и жил тут.

– Верно. Жил. Но кроме этой квартирки у бати скопилось еще немного земли.

– Это вы про тот дачный участок, что моему мужу дали от работы?

– И который он впоследствии приватизировал!

– Так на том участке ничего нет. Дом – жалкий сарайчик, давно пора его снести. И несколько старых яблонь.

– Ты дуру мне тут не включай! – снова озверел Сергей. – Участок ей плох! А что батя у трех своих соседей землю в конце восьмидесятых откупил – это ничего? А что участки те как раз вдоль Невы располагаются – это тебе шуточки? А что садоводство это всего в двадцати вер-

стах от города – это тоже ерунда? – И, повернувшись к брату, он произнес: – Сорок соток земли на Неве, причем земли чистой, где даже сносить ничего не надо, кроме нескольких курятников, – на сколько, как ты думаешь, они потянут?!

Тут даже Василий Петрович невольно почувствовал уважение к нарисовавшейся перед его мысленным взором цифре. Да, такой кусок земли мог стоить весьма приличную сумму! Что верно, то верно. И еще одна неприятная мысль царапнула его мозг. За право обладать таким земельным наделом в наше время вполне могла пролиться чья-то кровь.

И Василий Петрович задал тот вопрос, который задал бы любой на его месте:

– Ульяна, скажите, смерть вашего мужа была вызвана естественными причинами?

– Конечно!

– Он как хоть умер? Не могло так случиться, что кто-то помог ему в переходе в мир иной?

Ульяна гневно выпрямилась:

– Да как вы можете такое говорить?!

– Я лишь спрашиваю о причине кончины вашего уважаемого супруга.

– У моего мужа была застарелая болезнь...

– Ага! – перебил ее Сергей. – Алкоголизм!

– ...болезнь сосудов головного мозга, – невозмутимо договорила Ульяна.

– Сосуды у него полопались от водки. Так квасить, как мой батя... Я вообще удивляюсь, что он столько протянул!

– У него был повод, чтобы пить!

– И какой же?

– Он был страшно одинок! Единственный сын – и тот уехал. Вокруг кружились одни только стервятники, желающие откусить от его наследства.

– И ты – первая среди них!

Ульяна вновь нахмурилась:

– Взяли бы отца к себе в Канаду. Заботились бы о нем, стали бы его единственным наследником.

– Я не мог! У меня были трудности... И, поймав настороженный взгляд брата, Сергей воскликнул: – Временные! Временные трудности, пойми меня правильно!

Василия Петрович только вздохнул в ответ. Нет, ему это все очень не нравилось, очень! И самым правильным было бы уйти отсюда и забыть обо всем, что он тут видел. Да, вот это было бы правильно, благоразумно, и Алена наверняка его одобрила бы. Но, вопреки собственному здравому смыслу, чутью и буквально надрывавшемуся телефону, по которому ему уже обзвонилась любимая жена, Василий Петрович остался в грязной запущенной квартире отца своего брата. И то, что из этого получилось, ему еще предстояло расхлебывать...

Инга с Аленой провели время весьма приятным образом. Могли бы провести его еще более приятно, если бы Алена не дергалась и не звонила своему Васечке буквально через каждые десять минут.

– Перестань дергать мужика, – велела ей в конце концов Инга. – Даже у меня нервы бы не выдержали.

– Я беспокоюсь.

– Почему?

– Сама не понимаю, но мне как-то тревожно.

– Твой Василий Петрович в девяностых не пропал и теперь не растеряется.

– Может, оно и так, но мне все равно не по себе. Всякий раз, когда поблизости появляется Сергей, я чувствую приближение неприятностей.

В результате весь шопинг пошел насмарку. Алена купила соломенную шляпку с широкими полями, украшенную очень красивым алым цветком мака.

– Шляпа мне не идет, и она просто не в моем стиле, но цветок хорош, – сказала она.

Цветок мака был выполнен в технике канзаши и, как заверил подруг продавец, собран вручную. Вполне возможно, что так и было. Шелковые лепестки цветка трепетали, словно живые. Сердцевинка была усажена густыми черными ресничками. К тому же цветок оказался многофункциональным. Его можно было снять и прикрепить на любую другую одежду. И уж такова была магия этого рукотворного цветка, что даже самую невзрачную черную тогу он преображал в изысканнейший вечерний наряд.

Кроме шляпки с замечательным цветком, Алена купила себе летние босоножки на высокой платформе, в которых она была такой же неустойчивой, как канатоходец под куполом цирка. Маечку, так густо усыпанную стразами, что ее было трудно надевать из-за ее повышенной «колючести». И, наконец, великолепную сумку из белой замши, которую можно было взять с собой один раз, а потом либо выкинуть, либо отдать прислуге, либо использовать для каких-то хозяйственных нужд.

Ведь отмыть, отчистить или как-то иначе привести в порядок ослепительно белую замшу после выхода в свет было бы уже невозможно. Но можно было использовать ее как-то иначе. Например, повесить ее в кладовке, чтобы ее если там и видели, то лишь самые близкие, перед которыми ничего не стыдно.

Но, даже примеряя очередную обновку и проверяя, так ли уж она ей к лицу, Алена выглядела рассеянной. Было видно, что мысли Алены бродят где-то далеко. Ей явно было не до шопинга. Инга, как могла, пыталась встряхнуть подругу. Зная, что нет лучшего средства убеждения, чем личный пример, Инга нахватала множество вещей, на которые в другой раз и не посмотрела бы. В конце концов, у нее все есть, ей никакие обновки не нужны. Но в то же время она понимала, что появиться без многочисленных пакетов с покупками значило бы нанести Василию Петровичу кровную обиду. Муж Алены не выносил, когда кто-то отвергал его щедрые дары. Их следовало принимать с аплодисментами и криками радости.

Однако, памятуя, что она тратит не свои, а чужие деньги, Инга старалась выбирать вещи не из новых коллекций, а те, что шли со скидкой. Кашемировый пуловер, глупо его не взять, ведь идет он с поистине феноменальной скидкой – в целых восемьдесят процентов! Рыжие туфли на «гейше», они отлично подойдут для долгих пеших прогулок по городу! Тоже со скидкой, правда, совсем небольшой. И, наконец, предмет ее давних мечтаний – сумочку из замечательной темно-коричневой, очень мягкой, но в то же время прочной кожи и с основательным каркасом. Ее Инга взяла не без угрызений совести, потому что никакой акции по этой сумке не было, она понравилась ей просто сама по себе.

Но ничто не помогало. Алена продолжала тревожиться, дергаться и звонить мужу. И из здания торгового комплекса они вышли возмутительно рано, всего спустя два часа, как зашли туда. Но оказалось, что так даже лучше все получилось.

– Василий Петрович звонит, – обрадованно возвестила Алена. – Сам! Наверное, они уже договорились о чем-то!

– Интересно, как прошла его встреча с братом?

– Сейчас мы все узнаем.

Однако очень быстро настроение у нее изменилось. А через несколько минут вся ее радость сошла на нет.

– Значит, как ты и предвидел, у Сергея проблемы? Хочет, чтобы ты их решил? Я тебя умоляю, не иди у него на поводу! Да, да, я помню, что он – твой брат, единственный кровный родственник, оставшийся у тебя после смерти родителей. Да, я все это помню. Хорошо, не буду лезть к тебе со своими указаниями, но ты все-таки не позволяй ему помыкать собою.

И, закончив разговор, Алена повернулась к Инге. Лицо ее горело от негодования.

– Какой прохвост!

– Ты это о ком?

– О Сергее, будь он неладен! О ком же еще? Когда он только позвонил Васе и сказал, что прилетел в Россию, я сразу же подумала: тут что-то нечисто.

– Почему?

– С чего бы это вдруг Сергею объявляться спустя столько лет? Не иначе, как ему что-то позарез понадобилось от Васи. И что бы ты думала?

– Что?

– Я оказалась совершенно права! У Сергея возникли проблемы с получением наследства, и поэтому он спешно вызвал Васю. Вот врун! А пел-то, пел! И про долгую разлуку, и мать покойную вспомнил, и обо мне его подробно расспросил. Артист! Такой душевности на себя напустил – хоть к ране прикладывай. А на деле все оказалось проще пареной репы. Сереженьке снова понадобилась помощь Васи! Мало он на нем в свое время поездил! Теперь еще прокатиться хочет!

Инга знала, что подруга вспыльчива, но отходчива. Если переключить ее внимание на что-то другое, она быстро отвлечется и перестанет сердиться. И, сделав вид, что она споткнулась, Инга вскрикнула.

– Что с тобой?

– Ой, нога, – сморщилась Инга от притворной боли.

– Где?

– Колено хрустнуло. Что-то в нем сместилось... Больно очень!

– Давай я отвезу тебя в больницу.

– Не надо в больницу! – испугалась Инга. – Посидим немного, и все пройдет само.

Алена завертела головой по сторонам.

– Вон там симпатичное кафе, – указала она на вывеску, оформленную в кремово-шоколадных цветах. – Доковыляешь до него?

– Запросто!

Усевшись за столик, женщины заказали себе по пирожному и по чашке чая.

– Могу порекомендовать вам замечательный сорт чая – Да Хун Пао, в переводе означает «красный халат». Великолепный аромат, ощущение такое, что сидишь в уютном халате, у себя дома. Мир, спокойствие и благожелательность – вот три вещи, которые дарит этот напиток.

От такого сочетания достоинств в одном напитке подруги просто не могли отказаться.

– Тем более что спокойствие – это как раз то, что мне сейчас нужнее всего, – сказала Алена.

Официантка их не обманула. Чай оказался дивно душистым, хотя запах был совсем не чайным. Да и цвет у напитка был далеко не красным, как ожидали подруги. И все же чай подарил им то, что и было обещано. А ощущение бодрости после чаепития, видимо, шло как дополнительный маленький бонус.

Алена закинула Ингу к ней домой и отправилась в гостиницу к мужу. Ей не терпелось узнать у него подробности их встречи с братом. Как она подозревала, подробности эти ей совсем не понравятся. Но тем скорее надо было все выяснить, чтобы решить, как бороться с надвигающимися на их семью проблемами.

Подруга объявилась у Инги лишь через день, да и то ближе к вечеру. Алена просто позвонила и поинтересовалась:

– Ты свободна сейчас? Да? Тогда мы за тобой заедем.

Инга встретила подругу с радостью. Во-первых, в отсутствие Алены вокалисты с предгорий Кавказа, проживавшие в квартире этажом ниже, вновь принялись за свое. Инга надеялась, что появление подруги усмирит этих неистовых меломанов – и оказалась права. Стоило Алене перешагнуть через порог ее квартиры, как концерт внизу затих, словно по мановению палочки дирижера.

Кроме этого, Инга ожидала от подруги подробного рассказа. Ведь по телефону Алена ничего толком ей не смогла объяснить. Сказала лишь, что у Сергея и впрямь серьезные проблемы. Возможно, наследства ему не видать как своих ушей. Но подробно обрисовать ситуацию она отказалась. И теперь Инга, любопытство которой было невольно сильно задето, очень надеялась услышать желанные подробности этого дела.

На сей раз Алена настроена была в отношении свояка далеко не так враждебно.

– Сергей, конечно, тот еще свинтус, – сказала она, – но понять его где-то даже можно. Его папаше было за восемьдесят, кто бы мог подумать, что он возьмет и женится?

– Кто? Сергей?

– Его папаша!

– Тот, которому за восемьдесят?! – не поверила своим ушам Инга. – Женился?!

– Ага. Представляешь себе казус? В восемьдесят с лишним лет взял – и женился. Сочетался законным браком. Кто мог такое предположить? Только не Сергей. Он совершенно подавлен.

– А на ком его отец женился-то?

– Какая-то Ульяна. Кто она такая, точно тебе сейчас не скажу, я с ней еще не разговаривала.

– И зачем отец Сергея женился в таком почтенном возрасте?

– А зачем люди вообще женятся?

– По любви! – выдвинула версию романтичная по своей натуре Инга. – Наверное, это была его давняя любовь, еще со студенческой поры. Но обстоятельства разлучили их тогда. И они смогли воссоединиться лишь на закате своих дней.

– Хорошо бы, если бы так. Но нет, вряд ли они с женой могли учиться в одно время. Она моложе его на полвека! Девчонке двадцать с хвостиком.

– Что?! Молодая женщина и одинокий старик? Но тут налицо какая-то афера!

– В том-то и дело! Даже ты это поняла!

– Чего же тут не понять? – покачала головой ошарашенная Инга. – Впрочем, не будем судить поспешно. Ведь случаются же в этой жизни исключения.

– Чтобы молодая за старика добровольно пошла и при этом о его имуществе даже не подумала? Не смеши меня!

– Так бывает. – И, увидев, что подруга онемела от возмущения, Инга поспешно объяснила: – Но... но это, конечно, в том случае, когда пожилой мужчина по своим личным качествам на голову превосходит более молодых мужчин и своих сверстников. Допустим, талантливый актер, писатель, поэт... Одним словом, человек, с которым интересно общаться и в восемьдесят лет, и в девяносто, и...

Но Алена ее быстро перебила:

– Папенька у Сергея превосходил молодых только в одном... В количестве выпиваемого им за сутки алкоголя!

– Так он еще и пил?!

– Беспробудно. Причем здоровье ему от природы досталось просто богатырское. По словам Сергея, трезвым он батию в последние десять лет вообще ни разу не слышал. Тот либо бывал подшофе, либо с похмелья, либо вдребезги пьян. И при этом дотянул до восьмидесяти двух! И умер совсем не от цирроза или других проблем с печенью, прикончил его инфаркт.

Да, эта болезнь не щадит и более молодых людей. Даже тех, кто тщательно следит за своим здоровьем, выполняет указания врачей, совершает легкие оздоровительные пробежки по утрам, делает зарядку, проверяет уровень холестерина в крови и... и все равно умирает, не дотянув даже до семидесяти. А вот папаша Сергея ничем таким в жизни своей не занимался, квасил безбожно и при этом дожил до восьмидесяти двух лет.

Но тут Инга неожиданно кое-что подсчитала про себя и очень удивилась:

– Ты говорила, что у твоего Василия Петровича и его брата разница в возрасте минимальная?

– Десять месяцев.

– Значит, Сергею тоже за шестьдесят?

– Получается, что так.

– Но тогда его отец должен был зачать его очень молодым.

– Наверное, так и было, – передернула плечами Алена. – Какая, собственно, разница?

– Нет, просто интересно вдруг стало. Не так часто случается, что женщина уходит от одного мужчины к другому, рождает этому другому ребенка, а потом возвращается с двумя детьми к первому своему мужу.

– Вася так с отцом и оставался, насколько я знаю.

– Ну, все равно, странно. Ты не находишь?

– Меня это тоже всегда удивляло. Но со своей свекровью я не могла поговорить об этом.

– Почему?

– На эту тему было наложено табу в их семье. О том, что у Васи и Сережи разные биологические родители, я узнала совершенно случайно. Сергей оказался в больнице, нужна была кровь для переливания. Я не видела в этом проблемы, обычно либо кровь матери, либо отца обязательно подойдет ребенку. Но тут оказалось иначе. Кровь матери не подошла, нужна была кровь отца. Сергей мог умереть, но Васе удалось найти подходящего донора, который и дал Сергею свою кровь. Тогда-то я и узнала, что мой свекор не является биологическим отцом Сергея. Потом Вася вкратце поведал мне о том, что его мать дважды выходила замуж за его отца. Но подробностей, сдается мне, Вася и сам не знает.

Инга кивнула головой. Да, история очень интересная, но – давно минувших дней. А сейчас, судя по всему, им предстоит столкнуться с куда более захватывающей историей.

– Значит, у твоего свояка объявилась конкурентка? Наследство придется делить на двоих?

– Даже на троих. У нее еще и ребенок есть. По документам – брат Сергея.

– Что?

Вот теперь Инга поразились по-настоящему. Ладно – просто дожить до восьмидесяти двух, выпивая в день не меньше литра спиртного. Но чтобы при этом еще и сохранить репродуктивную функцию? В это верилось с трудом.

– Надо сделать экспертизу! Сравнить кровь ребенка и кровь отца Сергея.

– Вася тоже подумал об этом в первую очередь, – кивнула головой Алена. – К сожалению, это совершенно невозможно.

– Почему?

– Тело отца Сергея было кремировано.

– Как?

– Смерть была признана наступившей вследствие естественных причин. И вдова, согласно своему желанию, кремировала тело супруга.

– Почему не похоронила?

– По ее словам, денег на полный обряд у нее не было.

– Да кто она вообще такая? – возмутилась Инга. – Познакомиться бы с ней!

– Ты просто читаешь мои мысли! Собирайся, поедем.

– Куда?

– Знакомиться с этой аферисткой. Сегодня у мужчин назначено очередное randevu с Ульяной. Мой муж тоже там будет. И мы с тобой, я думаю, не помешаем. Сергей и Вася в такой растерянности, что им сейчас любая помощь пригодится.

– Ну, если ты считаешь, что Василий Петрович не будет против...

– Это была его идея. Он очень высоко ценит твою пронизательность. Хочет, чтобы ты посмотрела на эту Ульяну.

Инга не стала отказываться. Ей и самой было интересно. К тому же никаких дел у нее не предвиделось. Муж и сын оставили ее в гордом одиночестве, которое совсем не тяготило Ингу, но которое время от времени нужно было чем-то разбавлять. К тому же Алена и ее муж – не чужие Инге люди. Их проблемы – это и ее проблемы. Если она сможет им хоть чем-нибудь помочь, будет только рада.

Собралась она очень быстро. Чего там собираться, когда на улице плюс двадцать три градуса. Да здравствует лето! Не нужно ничего особенного придумывать, что на себя нацепить. Белые брючки, шелковый топик – прикрыть грудь, а на плечи накинуть светлую шаль, на случай внезапного похолодания. И все! Можно смело бежать по своим делам.

Одевшись, Инга почти не глядя покидала в сумку те вещи, которые считала необходимыми – мобильник, кошелек и косметичку. Любопытство ее было растревожено. И ей очень хотелось взглянуть на молодую вдовушку, столь поспешно и своевременно родившую наследника восьмидесятилетнему пьянице. Если, конечно, правда то, что младенец – брат Сергея.

Василий Петрович и Ваня, сидевшие в машине в ожидании подруг, колебались, не зная, какой версии отдать предпочтение. Обманывает ли их Ульяна, или она и впрямь родила ребенка от восьмидесятилетнего старца? Как мужчинам, этим двоим очень хотелось бы верить в возможность подобного фокуса. Но Алена твердо держалась того мнения, что такого быть просто не может.

– Сейчас не времена Ветхого Завета, люди уже не те. Детей в сто с лишним лет строгать не могут.

– Но случаются же исключения из правил.

– Эта женщина – аферистка. Она откуда-то узнала о том, что старик одинок, имеет лишь одного сына, да и тот давно носа к отцу не кажет, живет в Канаде, неизвестно, приедет ли он назад или нет, и решила действовать. Сначала оформила со стариком брак, а потом родила ребенка и записала его на имя старика! Уверена, если мы поищем, найдем тому свидетелей или даже настоящего отца ребенка!

– А мы будем его искать? – удивилась Инга.

– Нельзя же допустить, чтобы аферистке удался ее план.

– Значит, мы будем помогать Сергею?

– Ну... получается, что так.

– Еще недавно ты была настроена резко отрицательно. Требовала от Васи, чтобы он не позволил себя запутать. А теперь сама встала на сторону свояка.

– Каким бы гадом Сергей ни был прежде, сейчас мы с Васей должны ему помочь. Он в своих правах, а эта женщина – преступница! Ее надо прижучить и наказать!

– Сергей – мой брат, – подтвердил Василий Петрович. – Мой долг – помочь ему в беде.

– Но...

Алена не дала Инге продолжить ее мысль:

– Пойми, ведь если не остановить сейчас Ульяну, она так и будет обманывать дальше! Сегодня ее жертвой стал Сергей и его папаша, мягко говоря, не самые порядочные люди. Но ведь следующей жертвой мошенницы может стать хороший человек! За что они-то должны пострадать? Нет, если мы можем пресечь действия преступницы, мы должны это сделать!

В этом была вся подруга. Алена не выносила, когда где-то, пусть даже и не именно с ней, а с кем-то другим, совершалась несправедливость. Никакой личной выгоды из своих подвигов Алена никогда не извлекала. Родись она в другое время и в другом теле, наверное, стала бы Дон-Кихотом. Боролась бы с ветряными мельницами за права всех униженных и оскорбленных.

Глава 3

Добравшись до нужного дома, подружки осмотрелись по сторонам с явным любопытством и интересом. Увиденное их порадовало.

– Хорошее место, – одобрили они, не сговариваясь.

– Зелено.

– До метро десять минут пешком.

– Полно магазинов вокруг.

– Парк «Удельный» в пяти минутах ходьбы.

Сама квартира понравилась Алене и Инге значительно меньше. Побывавшие тут еще позавчера мужчины стоически восприняли пахнувший им в лицо аромат. А вот друг он едва не сбил с ног.

– Боже, чем это тут так пахнет?!

Василий Петрович только хмыкнул. Ваня деликатно промолчал. А вот Сергей, желая быть вежливым, хоть и уклончиво, но все же ответил:

– Так... разным.

– Да я уж вижу... что разным!

Алена брезгливо огляделась по сторонам. Да и Инга не могла скрыть отвращения. В такой запущенной квартире ей давно не доводилось бывать. Когда Василий Петрович рассказывал о месте, куда им предстояло поехать, Инга представляла себе все как-то иначе. Но тут... У нее просто не было слов, чтобы описать увиденное. Стены ободраны до голого бетона, местами на них виднеются старые пожелтевшие газеты, местами – клочки засаленных обоев. Потолок неопишимо цвета в непонятных разводах. Пол... Пол – это отдельная история.

– Понимаю, ремонт хозяйка, может, и не в состоянии была сделать, но пол-то вымыть она хотя бы могла?!

Ходить по полу приходилось с большим трудом. Обувь так и липла к грязным доскам, там, где они вообще были, норовя соскользнуть с ног и остаться тут навечно. В отличие от своих туфель, подружки такого желания отнюдь не испытывали. Алена бросилась к окну и распахнула его настежь:

– Фу-у-у!

Дышать стало немного легче, но смрад все равно чувствовался.

– Трудно поверить, что хозяин был женат.

– Присутствия женщины в этой квартире совсем не ощущается.

– Только одна комната в приличном состоянии, все остальное – ужас!

– Уборкой тут не занимались со времен царя Гороха.

– А я тебе говорила, что эта Ульяна – аферистка!

– Да, похоже, – согласилась Инга и наморщила нос. – Но чем все-таки так пахнет?

– Небось мусор на кухне сгнил.

– Тухлятиной сильно тянет. А долго мы тут пробудем?

– Пока Ульяна не появится. Вася с Сергеем вчера весь день и сегодня с утра пытались с ней связаться, но у них ничего не получилось.

– Не берет трубку?

– Струсил! – подтвердила Алена. – Небось думала, что отхватит всю квартирку себе целиком, без лишних проблем, что сын старика из Канады не вернется, а Сергей взял и нарисовался!

– Но зачем Ульяне от него бегать? Логичнее было бы встретиться еще раз и все выяснить окончательно.

– Да, действительно, – немного растерялась Алена. – Но, знаешь... это ведь мы с тобой понимаем – взрослые и разумные женщины. А у этой свистелки с головой, может, не так хорошо, как у нас с тобой. Вот и усвистела куда-то. Надеется, что проблема волшебным образом решится сама собой.

– Однако женить старика на себе у нее все же ума хватило.

– Для этого не ум нужен, а совсем другое место, – спохватился Сергей.

– И конечно, она не могла не знать, что у ее мужа есть старший сын, – не обращая на него внимания, продолжала рассуждать Инга. – Странно, что она не предвидела такого поворота событий, когда этот сын вернется и потребует дележа имущества.

– Что я тебе и говорю! Дура она! Фу-у-у... Ну, чем тут все-таки так пахнет?

– Если мы пробудем тут какое-то время, надо выбросить испортившийся мусор. Иначе мы попросту задохнемся.

Предложение было дельным. От запаха надо было срочно избавляться. Женщины в сопровождении Вани прошли в кухню, но, не перешагнув порога, застыли на месте. Прямо посреди кухни их поджидал страшный сюрприз. Тут лежало тело женщины! Оно было все в запекшейся крови, и над ним в изобилии кружили жирные мухи.

– Вот откуда запах! – прошептала Инга, едва держась на ногах. – Алена, что делать-то?! Она ведь мертвая!

– Вася! – слабым голосом позвала мужа Алена. – Поди сюда, милый...

– Что там у вас? Сами справиться с помойным ведром не можете? Попросите Ваню, он поможет.

– Милый, иди сюда!

– Да, Василий Петрович, подите-ка вы сюда сами, – поддержал хозяйку и охранник. – Тут такое дело... Нужно, чтобы вы сами взглянули. И брата вашего захватите с собой!

И он, с трудом сглотнув слюну, взглянул на тело женщины. Оно лежало таким образом, что лица ее было не видно. Но, судя по одежде и фигуре, женщина была молода и не лишена привлекательности. Неужели это Ульяна?! Та самая Ульяна, которую они безрезультатно прождали столько времени, сидя в ее комнате? А она все это время лежала тут... с мухами?

– Это Ульяна? – шепотом спросила у Вани Алена.

– Похоже на то.

– Сколько же она тут лежит?

– Похоже, уже давно.

В это время на кухню пришли братья. Первым шел Василий Петрович, выглядел он недовольным и своих эмоций не скрывал:

– Что тут у вас такое?

Ваня молча посторонился, чтобы хозяин мог сам взглянуть. Василий Петрович взглянул, пошатнулся и охнул:

– Ох, мать честная! Это кто же ее так?!

– Не знаю.

– Кровь-то запекшаяся... Да и запашок уже пошел. Похоже, она тут дня два уж лежит.

– Кто же ее так?

Инга нахмурилась. Сейчас на дворе лето. Окна кухни выходят на южную сторону. Кондиционера или жалюзи на окнах нет. Да что там говорить, окна не были прикрыты даже плотными шторами. На них болтались лишь черные от грязи, рваные тюлевые занавески. Конечно, они не могли уберечь пространство кухни от палящих лучей солнца. Днем помещение должно основательно прогреться, и тело стало быстро разлагаться.

Тем временем Ваня, как самый морально стойкий и наименее брезгливый, осторожно приблизился к телу мертвой женщины и, откинув волосы, заглянул ей в лицо.

– Ну что?

Вместо ответа Ваня мрачно кивнул головой. Сердца у всех ухнули куда-то вниз. Это была Ульяна, и она была мертва.

– Когда вы в последний раз видели Ульяну живой?

– Так... позавчера днем. Поговорили с ней, она нам копии документов дала, чтобы мы убедились, что она в самом деле та, за кого себя выдает. Вчера должны были с ней встретиться, но она трубку не брала. И сегодня мы ей много раз звонили.

– А сюда приезжали?

– Сегодня вот собрались и приехали.

– Похоже, она лежит тут с самого вашего ухода.

– Что ты имеешь в виду? – возмутился Василий Петрович, сердито глядя на Ингу. – Что это мы ее убили?

– Нет, но...

– Но у полиции могут возникнуть такие подозрения, – договорила за подругу Алена. – Брось, Вася, что ты на Ингу набросился? Она дело говорит. Если Ульяну найдут, у вас с Сергеем могут появиться нешуточные проблемы. Он уж точно будет первым, кого они обвинят в убийстве Ульяны.

Сергей затрясся:

– Я ее не убивал! Жизнью клянусь! Когда уходил, она жива была! Да мы вместе с братом уходили!

– Но домой Вася вернулся один, – вспомнила Алена. – Ты приехал только ближе к вечеру. Где ты был?

– Я должен перед тобой отчитываться?!

– В полиции тоже захотят это узнать.

– Гулял! – с вызовом ответил Сергей. – Просто гулял по городу и думал!

– И сюда ты больше не приходил?

– Что мне тут было делать?

– Так приходил или нет?

Сергей отрицательно помотал головой. Но глаза при этом отвел. И вообще, выглядел он заметно смущенным и растерянным. Поэтому никто из присутствующих ему не поверил. И в кухне повисло тяжелое молчание, нарушаемое лишь жужжанием мух.

– Одно могу сказать: я Ульяну не убивал! – заявил Сергей спустя пару минут.

И на сей раз друзья ему поверили. Да, Сергей был лицемерен, жаден и плутоват. Кроме того, он был черств и себялюбив. Но при этом он еще был и труслив. И убить женщину, да еще таким кровавым образом, он вряд ли бы смог.

– Не говоря уж о том, что убийца должен был испачкаться в ее крови, – произнес Ваня, осторожно осмотревший тело Ульяны – от носа и до кончиков пяток. – Девчонке перерезали горло. Кровищи должно было хлынуть целое море!

Ингу передернуло. До сих пор она не думала о самой жертве. Для нее погибшая была всего лишь именем. Но сейчас, впервые подумав о ней как о личности, Инга ощутила, как в душе у нее поднялась волна темной тревоги. Что-то ей Алена рассказывала об этой Ульяне... что-то такое... очень важное.

Неожиданно Инга поняла, что ее тревожит. И темная волна поднялась еще выше, буквально захлестнув ее.

– Постойте, а где же ребенок?! – воскликнула она с ужасом.

– Ребенок?

– У этой Ульяны был младенец! Сын Леонида Владимировича.

Все растерялись.

– Точно, – произнес Ваня. – Ребенок был. Толстый такой мальчишка.

– А где он сейчас?

– Надо его поискать!

– Бедный малыш! – первой выскочила из кухни Алена. – Если он пробыл тут все это время... он мог погибнуть!

– Да будет вам причитать-то, Алена Михайловна, – попытался успокоить хозяйку Ваня. – Младенцы – существа живучие. Малявка такой бы тут ор поднял, все соседи бы сбежались.

– На запах ведь не сбежались!

– Запах им привычный. А начал бы младенец орать во все горло, они живо бы тревогу подняли. Нету его тут, даже не ищите.

Ваня оказался прав. Младенца в квартире не было. Зато обнаружилась его переноска, а также сумка, в которой стояла бутылочка со скисшим молоком, лежали запасные памперсы, влажные салфетки и прочие необходимые для ухода за малышом вещи.

– Странно. По идее, если сумка с детскими вещами и переноска тут, то и ребенок должен быть где-то рядом.

Обыскали квартиру повторно. На сей раз действовали более тщательно и дотошно. Ничего. Ни единого следа пропавшего ребенка! Превозмогая брезгливость, Ваня даже вытащил переполненное мусорное ведро. И, во избежание самого страшного, вывалил его содержимое на подстеленный на пол полиэтилен. Запах сделался поистине убийственным. Но самого худшего все же не случилось.

– Слава богу! – вырвалось у Алены. – Ребенка в ведре нет!

– Это еще ничего не значит! Его могли унести и прикончить в другом месте.

– Где? Да и зачем? Кому мог помешать маленький мальчик?!

– Да, ведь даже если он и видел убийцу и само убийство матери, он все равно не свидетель.

Говорить малыш еще не умеет?

– Да, на вид пацану было от силы полгода. В таком возрасте дети живут в своем собственном мире.

Однако чем дольше все раздумывали над ситуацией, тем хуже она им казалась. Ульяна убита. Ее маленький сын пропал. Сам уйти младенец не мог, значит, его кто-то забрал. И наиболее подходящее решение – младенца забрал тот, кто убил его мать.

Но кто этот человек? Видимо, Ульяна хорошо его знала, если открыла ему дверь. Может быть, поискать убийцу среди ее контактов? Да, переписать телефоны из ее записной книжки – это точно не повредит.

– А где сумка Ульяны?

– Сумка?

– У любой женщины должна быть сумка, – твердо произнесла Инга. – Это – закон!

Сумки нигде не оказалось. В равной степени не удалось обнаружить и телефона покойной.

– Она и сегодня и вчера на вызовы не отвечала, – растерянно сказал Сергей.

– Видимо, убийца прикончил Ульяну, а сумку с документами и телефон забрал с собой, – решил Василий Петрович.

Но до конца обдумать ситуацию и наметить какие-то пути выхода из нее друзья не успели. В дверь раздался громкий стук, а потом требовательный женский голос закричал:

– Ульяна, открывай! В конце-то концов, это уже переходит всякие границы! Если тебе самой нравится жить на помойке, за что мы-то все должны страдать?! Ульяна! Слышишь? Открывай! Знаю, что ты там! Слышала твой голос!

Все замерли в растерянности. По всей видимости, зловоние проникло через открытые окна к соседям и окончательно вывело тех из терпения.

– Мы петицию подписали, если понадобится, в судебном порядке будем требовать, чтобы ты привела квартиру в приличное состояние! А нет, так пусть отнимут у тебя эти метры! Еще разобратся надо, как ты их получила!

Ваня покачал головой:

– Ого! Уже угрозы в ход пошли. Надо открыть дверь.

– Не ходи! – вцепилась в него Алена. – Не надо, чтобы она нас тут с трупом застукала.

– А что делать-то? Тетка эта не уйдет, я по голосу слышу. Так и будет орать.

– Ну и пусть орет!

– Ага! А мы тут с мертвяком и в вонище сидеть будем? Нет, надо открыть. Потом еще хуже будет.

Ваня был прав. Все молча согласились с ним. И охранник пошел открывать дверь. Услышав, что в двери скрипят замки, соседка и вовсе вошла в раж.

– Открывай, открывай быстро! – кричала она. – Безобраз...

Договорить она не успела. Ване удалось справиться с заедающим замком, и соседка оказалась с ним нос к носу.

– Ой! – сдавленно пискнула она. – Извините.

– Что вы, уважаемая, это мы должны просить у вас прощения.

– Мне нужна Ульяна!

– Уважаемая... простите, не знаю вашего имени-отчества...

– Марина Владимировна... Но для вас можно просто Марина.

В голосе женщины прозвучали кокетливые нотки. Ваня ей явно пришелся по сердцу, что было, в общем, и не удивительно. Все особи женского пола, встречавшиеся с Ваней на своем жизненном пути, от мала до велика, моментально проникались к нему самой искренней симпатией и доверием. Глядя на простодушное лицо Вани, встречаясь глазами с его открытым светлым взглядом, невозможно было заподозрить этого мужчину в чем-то дурном.

– Марина... Очень хорошо, что вы зашли. Понимаете, тут такая ситуация... Вы давно видели Ульяну?

– Позавчера! – бодро отрапортовала женщина. – Явилась с этим своим ребенком, вся из себя такая разряженная. Я ей говорю: когда ты, Ульяна, квартиру-то в порядок приведешь? На поминки к тебе зашли, так нам просто жутко сделалось. А она мне – на ремонт денег нет. И шмыг к себе! И не стыдно ребенка в такую грязь приносить! Ведь в этой квартире кто только не побывал! И бомжи, и бродяги, и прочие асоциальные личности!

– Совершенно с вами согласен. Но Ульяна тут жила вместе с ребенком, и ее это не смущало?

– Простите... А кто вы такой?

– Я-то? Я – Ваня. Иван Сергеевич, если хотите.

– А...

– А тут нахожусь по долгу службы.

– Наконец-то! – откровенно обрадовалась соседка. – Из органов опеки вы? Извините, обычно там женщины работают, поэтому я сразу и не разобралась. Очень хорошо, что вы решили взять это дело на рассмотрение. А если меня спросите, то я вам сразу скажу: Ульяну эту надо родительских прав лишить! Какая из нее мать? Ни одна мать свое дитя в такую анти-санитарию не допустит!

– Я все это понимаю. Но ведь у ребенка же и отец должен быть.

– Отец! Отцом у него Леонид прописан. Да только Леонид пил без просыху!

– А другие мужчины тут не появлялись?

– Такие же алкаши, как сам Леонид. Или даже хуже, чем Леонид! Ни одного дня не было, чтобы он трезвым домой вернулся. А уж как пенсию получит, тут уж – все! Дым коромыслом! Да и то сказать, пенсия у Леонида огромная. Я один раз за ним в сберкассе стояла, замучилась считать, сколько он бумажек себе в карман сунул. Получит деньги – и давай народ к себе звать. Собутельников столько, что в глазах рябит. Только и ползают вверх-вниз. Напьются и спят прямо на лестнице! Сколько раз я пожарных вызывала, потому что дымом тянуть начинало.

Леонид и его гости напьются, заснут, а кастрюля с варевом на плите стоит. В ней все выгорит, дым валит, а им все по фигу! И спят иной раз прямо на лестнице, и другие вещи, простите за такие подробности, делают. Дворники к нам в подъезд без отдельной доплаты и ходить не хотели. Да оно и понятно, кому нравится мочу и кал со ступеней подтирать!

– Натерпелись вы с таким соседом, наверное?

– Ох, чего только мы ни делали, чтобы Леонида из нашего дома выселить. Ничего не помогало!

– А когда Ульяна появилась, лучше стало?

– Хуже! Прежде Леонид хоть перед пенсией трезвым бывал. Ну, не то чтобы совсем трезвым, такого с ним на моей памяти и вовсе не случалось, но гостей к себе хотя бы не таскал. А как Ульяна появилась, так он вообще без остановки квасить начал. Сдается мне, он и сам не понял, что папашей сделался. Как Коленька появился, я Леонида во дворе подловила и с сыночком поздравила. А он так на меня вытаращился, словно и не понял, о чем я говорю.

Голос соседки сделался глуше. Видимо, Ваня увел ее от дверей. Опасность отдалилась, но окончательно не исчезла.

– Надо вызывать полицию, – решительно произнес Василий Петрович. – Девочки, вам будет лучше уйти.

– Почему? Мы хотим остаться.

– Сделайте, как я вам сказал. Чем меньше народу попадет под подозрение, тем лучше. – И, повернувшись к брату, Василий Петрович произнес: – Не дрейфь, Серега, выплывем. В случае чего, я тебя не оставлю.

– В случае чего? – тоскливо произнес Сергей. – Ежу ясно, полицейские меня в смерти Ульяны обвинят! И ребенка, скажут, тоже я украл. Они ведь мои соперники в дележе наследства. Вот я первый на подозрении и окажусь. Мальчишку, мол, унес и спрятал. А Ульяну и вовсе убил.

– Я тебе помогу.

– Чем? Передачи мне на зону присылать будешь? – Сергей совсем упал духом. И не скрывал этого. – Может, мне лучше назад в Канаду податься? – произнес он, и его лицо немного посветлело. – Фиг с ним, с наследством батиным! Свобода дороже!

– Погоди ты, дурень, в бега пускаться. Один раз побежишь, до конца жизни бегать придется. Люди ведь как рассуждают: раз побежал, значит, виноват! Осудят заочно, не отмоешься до самого конца.

– Ну и что? Зато я буду свободен!

– И весь остаток жизни проведешь в страхе.

– Зато на воле!

– Не хорони себя раньше времени. Если Ульяну убил другой человек, должны найтись его следы.

Василию Петровичу пришлось использовать весь свой авторитет, чтобы уговорить Сергея остаться и дожидаться прибытия полиции. Да и то, Инге показалось, тот остался лишь потому, что путь к выходу перекрывала своим монументальным телом сама Алена. Сдвинуть своячницу с места более щуплому Сергею вряд ли удалось бы. Когда Алена хотела, она могла вращать ногами в землю просто как скала!

Ростом и статью Алена была типичной русской красавицей. Густая коса, то русая, то каштановая, то даже, как сейчас, рыжая, широко раскрытый взгляд больших синих глаз, чистая кожа и маленький, аккуратный, чуточку задранный вверх носик.

Когда было надо, Алена умела быть твердой и непреклонной. И сейчас ее взгляд яснее ясного говорил о том, что уж кто-кто, а она на сей раз не позволит Сергею ускользнуть от ответственности и предоставить им самим разгребать его грязь. Нет уж, если Сергей хочет получить от них помощь, ему и самому придется запачкаться.

Полиция появилась довольно-таки быстро. Сидя в машине, припаркованной неподалеку от дома, подруги могли лично наблюдать ее прибытие. К этому времени введенная Ваней в курс дела соседка уже причитала на лестничной клетке. И именно она объяснила участковому, кто обнаружил тело потерпевшей Ульяны в квартире. И в ее пересказе все трое мужчин выглядели просто героями, которые не побоялись вида мертвого тела, вызвали полицию, да еще и ребеночка пытались найти.

– Вот ведь беда! Вот ведь горе! Верно в народе говорят, пришла беда – отворяй ворота. Сначала Леонид умер, теперь Ульяну убили, да еще и ребенок их пропал! Ох, горе-то какое! И кому теперь квартира достанется, если Коленька не найдется? Не иначе, как старшему сыну.

– У хозяина квартиры еще один сын имелся?

– Сергей. Несколько раз я его даже видела.

– Описать сможете?

– Средних лет, Леонид тоже ведь уже сильно в возрасте был. Рост средний. Упитанность средняя. Лицо... лицо тоже среднее.

– Да... по таким приметам мы его долго искать будем.

– Леонид говорил, дескать, сын за границей живет. Приезжает редко, но деньги исправно шлет.

Услышав это, Василий Петрович покосился на брата. Он был искренне удивлен. Неужели Серега проявил себя в отношении своего бати с такой положительной стороны? И даже навещал его неоднократно? Но, судя по вытаращенным глазам Сергея, для него это известие также стало полнейшей неожиданностью.

Поняв, что деньги приходили Леониду из какого-то другого источника и навещал его тоже отнюдь не Сергей, Василий Петрович даже как-то и успокоился. До сих пор он считал, что неплохо разбирается в людях. Про своего брата Василий Петрович мог сказать то, что тот удивится, но руки помощи никому в жизни не протянет. А уж регулярно посылать кому-то деньги, пусть даже и старику-отцу, такого от Сергея ждать было нечего. Убедившись теперь, что все в порядке, что он по-прежнему держит руку на пульсе, Василий Петрович слегка расслабился.

Серега – он и есть Серега. Подлый враль, двуличный обманщик, но не жестокий человек. Подлый, но не убийца. А значит, за него еще стоит побороться. Ведь и Ульяна эта, насколько понимал Василий Петрович, была еще той штучкой.

Между тем мысли подруг крутились примерно в том же направлении. Первой не выдержала и заговорила Инга:

– Знаешь, что меня еще удивляет в этом деле?

– Помимо полуразложившегося трупа Ульяны в кухне?

– Зачем ты мне об этом кошмаре напомнила? – осуждающе произнесла Инга. – Только я стала немного забывать об этом, как ты снова... Труп меня не удивляет, он меня в ужас вгоняет!

– А что же тебя удивляет?

– Вот ты мне скажи, почему отец Сергея...

– Леонид Владимирович Рябчиков...

– Да, почему этот Леонид Владимирович до самого своего конца прожил в своей просторной квартире?

– А где же ему было жить?

– Почему он не попытался обменять свою квартиру пусть и на меньшую, но зато с доплатой? Ведь доплата за такие хоромы могла составить очень приличную сумму.

– Квартира просто ужасна. Ее бы не купили. Ведь состояние жилища просто не поддается описанию!

– Это сейчас. Но после ремонта она могла бы превратиться в конфетку.

– Не знаю. Я бы не хотела жить в квартире с таким прошлым. Ремонт не поможет изгнать дурную энергетику из этого места.

– Так это ты такая разборчивая. Уверена, нашлось бы немало людей, кто захотел бы поселиться в этой квартире и отвалил бы за нее Леониду Владимировичу приличные деньги.

– Видимо, он в них не нуждался.

– Соседка сказала, что за несколько дней до получения очередной пенсии отец Сергея был вынужден вести относительно трезвый образ жизни. И это его сильно мучило.

– Но потом появилась Ульяна, и все у него вновь наладилось. Ну, не хотел человек продавать свою квартиру, чего ты привязалась?

Видимо, когда-то отец Сергея знал лучшие времена. Не всегда же он был одиноким старым пьяницей. Он был и молодым человеком, где-то работал, что-то комбинировал.

– Интересно, каким образом досталась ему эта квартира? Сергей вроде бы что-то говорил о том, что участки на Неве достались его отцу от работы? Возможно, квартира пришла из того же источника.

– Источника... Да, у старика должен был быть источник.

– О чем это ты говоришь?

– Об источнике дохода. На что отец Сергея жил в последние годы? Он ведь уже не работал.

– Только пил.

– Но квартиру не продал. Потому что хоть квартира и в ужасающем состоянии и ты бы там поселиться не хотела, но она с высокими потолками, просторная, с хорошей планировкой. За такую квартиру можно было выручить немало денег. Однако отец Сергея не расставался со своими метрами до последнего вздоха. Довольно странно для одинокого, любящего приложиться к бутылке человека.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Леонид должен был постоянно получать от кого-то деньги.

– От кого? От государства! Пенсию ведь ему платили!

– И ты веришь, что в нашей стране можно прожить на одну только пенсию?

– Ну, если скромно, то, наверное, можно.

Особой уверенности в голосе Алены не прозвучало. Инга даже не стала тратить время на повторение очевидной истины. Она просто сказала:

– Леонид пил, а на водку тоже требуются деньги. И немало.

– То-то он все из квартиры вынес!

– Но если он не продал саму квартиру и участок у Невы тоже, значит, у него были какие-то источники финансовых поступлений. И это не пенсия. Иначе бы старик уже давно обменял свою просторную двушку на квартиру поменьше, но с доплатой. Потом еще раз переехал бы, еще и еще. А под конец очутился бы где-нибудь в густонаселенной коммуналке.

Алена задумалась. Действительно, очень странно, откуда у отца Сергея регулярно брались деньги на выпивку? Ведь, по словам его соседки, старик не только пил сам, он еще и угощал многочисленных собутыльников! На одну пенсию так не разгуляешься.

Но ее мысли были прерваны. Приехала еще одна полицейская машина, из которой вышло несколько человек. Происшествие было достаточно серьезным, чтобы с ним мог справиться без посторонней помощи один участковый и пара оперативников.

– Следователь приехал.

– И эксперты.

– Они еще не скоро освободятся. А что, если нам попытаться расспросить свидетелей?

– Кого?

– Дружков-алкашей нашего господина Рябчикова.

Подругам показалось, что идея эта стоящая. Как раз в этот момент во дворе появилась праздношатающая личность в весьма живописных лохмотьях. На ногах у личности были самые настоящие калоши из когда-то блестящей черной резины, ныне посветлевшие и поблекшие от времени. Калоши были надеты на грязные носки. Неопишуемые брюки – пестрые от пятен грязи. И рубашка, на которой дыр было больше, чем полотна.

И, наконец, сизый распухший нос и фингал под глазом дополняли картину и говорили о том, что перед сыщицами находится как раз тот, кто им нужен.

– Э... постойте, уважаемый! Как вас зовут?

Личность подняла на Алену мутный взгляд идохнула на нее таким букетом крепких ароматов, что женщина едва устояла на ногах.

– Чевось? – поинтересовалась личность и поскребла пятерней заросшую щетиной щеку.

– Вы господина Рябчикова знали?

– Лёньку?

– Леонида Владимировича.

Личность не ответила сразу, а, помедлив, кивнула головой и едва слышно произнесла:

– Пили вместе.

– А про жену его что сказать можете?

– А?

– Жену его видели?

– Не было у него жены.

– Как же? А Ульяна?

– Жиличка. Лёнька ей комнату сдал, а она ему водку таскает... таскала.

Личность была явно плохо осведомлена о матримониальных отношениях своего приятеля с Ульяной. Но неожиданно прибавила:

– А сынок, тот жив. Заходит к Лёньке. Проверяет... кхе-кхе-кхе...

Но тут личность разразилась таким жутким кашлем, что Алена невольно отшатнулась. Ну и тип! И отчего он так кашляет? Уж не туберкулез ли у него?

И все же Алена не убоилась болезни. Лишь сделала пару шагов в сторону и по возможности прикрылась от летевших в ее сторону брызг.

– Сын, говорите, к Леониду Владимировичу заходит? И часто?

– Раз в месяц появлялся. Лёнька ему денег давал.

– Как сына зовут?

Молчание. То ли не знает, то ли забыл.

– И что? Каждый месяц сын к Леониду Владимировичу приходил?

– Ага. За деньгами. Возьмет и уходит.

Выходит, Сергей врал? Выходит, он вернулся из Канады гораздо раньше? Или вовсе никуда не уезжал? Зная своего родственничка и его способность к вранью, Алена была готова поверить во все, что угодно. Но тут же она вспомнила, что лично проверяла паспорт Сергея. Видела и дату его въезда в страну. Он не посещал родину больше пятнадцати лет. Нет, не мог он мотаться из Канады в Россию каждый месяц, чтобы забрать у отца немножко денег. Но кто же тогда приходил к Леониду Владимировичу под видом сына?

– А деньги? – спохватилась Алена. – Откуда у Леонида Владимировича были деньги?

Снова длительное молчание. А потом последовал невразумительный, но многословный ответ:

– Были у Лёньки деньги, и все. Он их сыну давал. И водку покупал. На всех. Хороший Лёнька был человек, не мог в одиночестве пить. Компании душа его требовала. Выпьем, о прежних временах поплачем, все легче становится.

– А где Леонид Владимирович свою пенсию заработал?

– Чегось?

- Где Леонид раньше работал?
- В академии.
- В какой академии?

Снова молчание. А затем личность начала внезапно заваливаться на землю. Видимо, сила притяжения земли, с которой личность долгое время вела борьбу, все же стала ее, личность, одолевать. Подруги успели подхватить пьянчужку и оттащить его к кустикам, под которыми он и захрапел с самым счастливым видом.

Алена поспешно достала из сумки упаковку влажных салфеток и принялась протирать ими лицо, руки, ноздри и глаза.

– Хорошо бы еще рот прополоскать!

– И в легких вентиляцию устроить. Слышала, как этот тип кашлял? Здоровый человек так кашлять точно не может.

Этот эпизод начисто отбил у подруг охоту продолжать поиск других знакомцев господина Рябчикова. Они вернулись обратно к машине и стали ждать возвращения мужчин.

Спустя еще полчаса из дверей дома появилась целая процессия. Первым шел Сергей, которого с двух сторон плотно зажимали незнакомые подругам граждане. Следом шел еще какой-то тип. Василий Петрович и Ваня замыкали шествие. И только они и остались во дворе дома, когда полицейская машина укатила, увозя с собой непутевого Алениного свояка. Его перепуганное бледное лицо мелькнуло в окне машины опергруппы. Было ясно: Сергей проклинает самого себя за то, что проявил слабость, поддался на уговоры своего брата и теперь оказался в лапах полиции.

Даже со стороны было ясно, что дела Сереги плохи. Полицейские так плотно окружили задержанного, что никаких сомнений ни у кого не возникло. Они считают, что у них в руках подозреваемый, который запросто мог расправиться со своими новоявленными родственниками, одну убив, а второго – похитив.

Глава 4

И слова Василия Петровича, когда он заговорил с подругами, говорили о том же самом:

– Зря я, похоже, Серегу удержал. Смотрелся бы в свою Канаду, только они его и видели бы!

– Следователь обвиняет его в убийстве Ульяны?

– Сначала-то он с нами весьма любезно держался. Мы ему объяснили, что являемся родственниками покойного Леонида Владимировича, что зашли навестить его молодую вдову. Что в квартиру мы зашли все втроем, Ульяны не было слышно, зато ужасно воняло. Мы пошли на запах и нашли тело Ульяны. И все было сначала очень хорошо.

– А потом, – закончил фразу хозяина Ваня, – этот проныра – следователь – спросил, откуда у нас оказались ключи от квартиры. И понеслось.

Да, ключи! Это в самом деле был большой вопрос. Подруги хорошо помнили, что дверь Сергей открыл ключами. Но откуда они у него взялись, если мужчина уже больше пятнадцати лет не общался со своим отцом? Да, прежде Сергей не баловал своего родного отца визитами. Он сказал, что они виделись всего пару раз. Ни Леонид Владимирович, ни Сергей к тесному общению друг с другом не рвались.

– Так откуда у Сергея взялись ключи?

– Ключи Сергей одолжил у Ульяны, во время своего прежнего визита.

– Одолжил?

– Ну, взял.

– Как это – взял?

– Ну... забрал. Так будет точнее.

Но Алене и этого уточнения показалось недостаточно.

– Как это забрал? – потребовала она от мужа детального отчета. – Насильно?

– За кого ты принимаешь моего брата? – возмутился Василий Петрович. – Он их забрал... потихоньку.

– Украл!

– Что ты все время со своими замечаниями неуместными лезешь! Ульяне эти ключи совсем и не нужны были. Она их потери и не заметила. У нее, похоже, еще один комплект имелся!

А зачем Сергею понадобились ключи от квартиры покойного папаши? Но когда Алена задала этот вопрос мужу, тот снова рассердился:

– Да какая теперь уже разница?! Ну, хотел он иметь ключи от квартиры отца, кто его осудит за это?

Но уцепившись за эти ключи, следователь вытянул из Сергея правду о том, кем он приходится покойному хозяину квартиры, а также его молодой вдове.

– А как он смекнул, что Серега теперь остается единственным наследником квартиры, мигом его к себе поближе, под бочок, – да и в отделение.

– Мы видели.

– Видели они... – проворчал Василий Петрович. – Что делать-то теперь? Как брата выручать? Если бы я Серегу чуть хуже знал, сам бы его первым заподозрил. Но я-то Серегу всю жизнь помню, не мог он Ульяну убить. Не мог!

Алена молчала. Она и сама не верила в причастность Сергея к убийству Ульяны. Но если признать его невиновным, тогда надо искать настоящего убийцу. А как его искать? И где?

– Вася, а когда вы из квартиры уходили, Ульяна вместе с вами была?

– Осталась она. Сказала, что ребенка ей перепеленать нужно.

– И странно это, – снова вмешался Ваня. – Ребенка она недавно пеленала. Мне показалось, что она ждет кого-то.

– Кого?

– Мужчину, – немного подумав, сказал охранник.

– Почему ты так решил?

– Мы уходили, а она к зеркалу побежала. И ребенок ей по фигу был. Он себе спал спокойно, а она у зеркала вертеться начала, прихорашиваться.

Подруги тоже немного подумали.

– А что сказали эксперты? Когда произошло убийство?

– На днях, точнее не скажу.

– То есть Ульяну могли убить сразу же после вашего ухода?

– Ну, или чуть позже.

– Надо обойти соседей и поспрашивать у них, не приходил ли кто к Ульяне в это время.

Алене казалось, что она подала всем отличную идею, но тут увидела, как Ваня качает головой, и осеклась:

– Нет?

– Не стоит нам по соседям ходить. Ничего хорошего мы от них не услышим.

Выглядел Ваня очень мрачным, и, конечно, все пожелали узнать о причине такого его настроения.

– Что там рассказывать-то особо? Видели нашего Сергея Леонидовича возле квартиры Ульяны.

– Где? Кто его видел?

– А соседка, которая скандалить вылезла, его и видела.

– И она его так точно описала?

– Мне описала. Сказала, что Ульяна не успела мужа схоронить, как уже гостей у себе принимает. Мужчина к ней вечером зашел. И подробно мне этого гостя описала. Я еще тогда подумал, больно уж приметывы на нашего Сергея похожи. А уж когда Марина эта в качестве понятой в квартиру пришла да Сергея Леонидовича там увидела, глаза у нее мигмом как плошки сделались. Я тогда еще подумал, не к добру это. Она и следователя к себе поманила. И что-то ему говорить начала, на Сергея все показывала.

Выслушав охранника, Алена гневно устала на мужа.

– Ну, ясно! – воскликнула она. – Когда вы от Ульяны ушли, Сергей от тебя ускользнул и назад вернулся.

Василий Петрович почесал в затылке:

– Правда, что ли? Когда я домой ехать собрался, Серегу тоже в машину пригласил. А он сказал, что прогуляться хочет, мозги проветрить.

– И ты ничего не заподозрил?

– Чего?

– Того, что твой брат вернется назад в квартиру Ульяны, зарежет ее, а ребенка похитит и тоже... тоже погубит!

– Э, не-е-ет!.. Ты моего брата убийцей и злодеем не делай. Обмануть он может – это факт, а вот убить – нет! Согласен, он мне соврал. Не гулять он направился, а назад к Ульяне потопал. Только убивать он ее не стал бы.

– Но со стороны все именно так и выглядит.

– Да, неладное дело, – снова почесал в затылке Василий Петрович.

Будучи в бизнесе человеком энергичным и порою даже жестким, в делах семейных он совершенно терялся. Его доброе сердце, которое ему удавалось смирять в отношении чужих, незнакомых ему людей, давало осечку в случае со своими родными. И сейчас он совсем растерялся. Инге даже стало его жаль. Да и Алена выглядела задумчивой:

– Если Сергея осудят за преступление, которого он не совершал, я знаю, ты себе этого никогда не простишь.

– Точно! – подтвердил Василий Петрович. – Не прощу. А делать-то что?
– Надо найти настоящего преступника. Тогда с Сергея все подозрения будут сняты.
– Детектива надо нанять! – обрадовался своевременной подсказке жены Василий Петрович. – Молодец ты у меня, Аленка! Дельную мысль подсказала! Ваня, за мной! Девочки, садитесь в машину тоже.

– Дорогой...

– Что? – притормозил Василий Петрович.

– Если не возражаешь, мы с Ингой немного прогуляемся.

Как уже говорилось, когда речь заходила о своих родных и любимых, Василий Петрович терял всякий нюх. И его замечательное чутье тоже отказывалось работать. Поэтому никакого подвоха в словах любимой жены он не заметил, как не заметил этого и двумя днями ранее.

В ответ на замечание Алены он только ответил:

– А-а-а... Ну, погуляйте, конечно, девочки. Погода-то какая хорошая! Встретимся дома. Или позвоните мне потом, скажете, откуда вас забрать.

Мужчины уехали, а Инга повернулась к Алене:

– Ты что задумала? Уж не гулять ведь собралась?

На ногах у Алены красовались туфли на таком высоком каблуке, что Инге делалось страшно за подругу. Бесспорно, туфли были волшебны хороши. Сшитые из десятков крохотных «крылышек» чудесной желтой кожи, они плотно обхватывали ногу Алены, делая ее еще стройнее, а щиколотку – тоньше. В таких туфлях можно было пройтись по ковровой дорожке, эффектно прошагать по блестящему мрамору – от барной стойки до своего столика. Но нечего было даже думать о том, чтобы долгое время гулять в них просто по городу.

– Ты ведь назад рвешься? Сама хочешь преступника найти?

– Знаю я этих детективов, – проворчала в ответ Алена. – Деньги возьмут, а работать не станут. Или станут, но не в полную силу. Недаром ведь говорят: хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, сделай его сам. Ты как? Со мной?

– Я не против нового расследования. Но с чего мы начнем?

– Сначала выясним все о личности этой Ульяны.

Алена считала покойницу аферисткой. А за каждой аферисткой всегда тянется целый шлейф преступлений и обманов. За некоторые из них могут и убить.

– Сейчас меня больше смущает ребенок. Как преступник смог вынести его из дома незаметно?

– Младенец крохотный. Если он спал, его можно было спрятать под одеждой.

– Зимой – да. Но сейчас лето. Таких балахонов, чтобы под ним поместился ребенок, никто не носит.

– Детская сумка и переноска остались в квартире.

– Значит, ребенка несли на руках. И кто-то мог это видеть.

Выходит, Ваня рано отговорил их от обхода соседей. Но по крайней мере, теперь подруги знали, о чем им нужно спрашивать.

– Будем искать человека с ребенком на руках. Если это был чужак, его должны были заметить.

Смерть Ульяны произошла после трех часов дня. Возможно, ближе к вечеру. Но уже к ночи Ульяна была мертва. Так сказал эксперт, занимающийся осмотром тела.

Значит, подруг интересовала вторая половина позавчерашнего дня и вечер того же дня.

Вернувшись в подъезд, где произошла трагедия, девушки начали планомерный обход квартир. К сожалению, люди отвечали им неохотно. Леонида Владимировича тут откровенно не любили, его смерть многие восприняли как своего рода избавление. А Ульяну они считали ловкой мошенницей.

– Сначала-то она нам всем родственницей представлялась. Мол, ухаживает за пожилым дедушкой. А как старик помер, так мы все и узнали, что квартира теперь принадлежит Ульяне и ее ребенку, на правах жены и сына.

– И хорошо она за господином Рябчиковым ухаживала?

– Да как сказать... Появлялась регулярно. Жила даже, я слышал, у него в квартире. Сумки какие-то таскала, но не скажу, чтобы часто. Тем не менее старик с ней расписался, чтобы у девчонки проблем с получением наследства не возникло.

– А ребенок?

– А что ребенок? Небось нагуляла от кого-то, а старик грех ее прикрыл. Сам-то дед Лёня до женского полу особо охоч не был.

Это же самое подтверждали и остальные жильцы:

– Баб к себе он никогда не водил.

– Ульяна – единственная женщина, которая рядом с ним появилась. Поэтому мы ее долгое время родственницей и считали.

– Если какие собутыльники к деду Лёне и таскались, так все исключительно мужского пола. Ульяна была единственной. Цветок душистый на фоне прерий.

– Забеременела она быстро, только от кого, вот вопрос? Уж точно, не от старика!

И тем не менее к этой посторонней ему женщине Леонид Владимирович проникся таким горячим и глубоким чувством, что фактически оставил ей все свое имущество. Да еще и чужого ребенка согласился признать своим! С чего вдруг? Что такого сделала для него Ульяна, чтобы старик так полюбил ее?

Обойдя соседей и убедившись, что никто из них в вечер убийства не видел возле своего дома никого постороннего с грудным Коленькой на руках, подруги вновь вышли во двор. Тут гуляло множество мамочек с малышами. И, повинувшись некоему непонятному чувству, сыщицы двинулись к ним.

Возле песочницы собралась пестрая компания. Бабушки, старшие сестры и даже один папочка, в таких огромных очках, что при взгляде на него становилось даже жутковато. Папочка держал в руках толстую книгу со странным названием «Теория сплавов» и с увлечением ее читал. В это время его сынок увлеченно дрался с несколькими другими детишками, стучая их по голове совочком. Но папу это совершенно не волновало, судьба родного отпрыска была ему куда менее интересна, чем «теория сплавов».

Чуть ближе к песочнице две молодые мамочки старались перещеголять одна другую, повествуя об отдыхе на море. Одна семья отдыхала в Испании, другая на побережье Болгарии. Но та, что отдыхала в Болгарии, жила в отеле по системе «все включено». А та, что побывала в Испании, всего лишь снимала апартаменты со своей семьей. Они сами себе готовили, сами о себе заботились, одним словом, были предоставлены самим себе.

Остальные мамочки, никуда в этом году еще не выезжавшие, почтительно внимали этим двоим. А те старались изо всех сил, силясь заткнуть одна другую за пояс.

– Пляж бесподобный.

– Купаться ходили каждый день. Вода, словно молоко!

– Возле дома был парк, где жили белочки, зайчики и лисички.

– Фруктами объелись на год вперед. Сплошные витамины!

– Аквапарк был от нас прямо через дорогу. Дети там просто поселились.

– Муж поймал огромную рыбину, почти в три кило весом. Морская рыба так полезна для здоровья! В ней и йод, и другие минеральные вещества. Мы съели ее за один присест!

– Познакомились с одной семьей из Германии, они пригласили нас к себе на месяц.

Вторая мамашка на какой-то момент замолчала, не зная, какой козырь сможет побить эту карту. И ее кратким замешательством воспользовалась Алена:

– Извините, нам нужно несколько минут вашего драгоценного времени.

– В чем дело?

Первая мамашка выглядела недовольной. Сыщицы собирались вырвать из ее рук лавровый венок победительницы, они перетягивали внимание на себя. И поэтому молодая женщина постаралась как можно быстрее от них избавиться:

– Площадка только для детей и сопровождающих их лиц. А посторонних я попрошу удалиться!

Но вторая мамочка, быстро смекнувшая, что у нее появился шанс достойно выйти из игры, запротестовала:

– Ну почему же, Людочка? Двор у нас общий. Говорите, пожалуйста, дамы, что вы хотели?

– Покупать мы у вас все равно ничего не станем. Так что не теряйте даром времени!

Алена примиряющим жестом подняла руки:

– Уважаемым родительницы, мы ничего не собираемся вам продавать. Дело в другом. В вашем доме произошло убийство!

– Кого же убили?

– Ульяну.

Женщины переглянулись:

– Кто это такая?

– Жена старика из того подъезда. Мать Коли.

– Ах, эта!.. Она с нами никогда не разговаривала.

– И ребенок у нее совсем маленький. Она его в переноске еще таскала. Ни сидеть, ни ползать, ни играть с остальными такой малыш не может. Эта ваша Ульяна к нам даже не подходила.

– Ульяну убили. А ее ребенок... мы думаем, что преступник унес ее ребенка с собой.

Теперь вид у всех мамочек был достаточно напуганный. Многие поспешно встали и передвинулись поближе к своим малышам, игравшим в песочнице или на горке. Те же, кто остался на своих местах, выискивали глазами возившихся неподалеку ребятишек постарше. И лишь папочка в толстых очках и еще одна женщина сохраняли спокойствие духа. Папочка просто не услышал сенсационной новости. А женщина была спокойна по другой причине.

– Этого не может быть, – произнесла она.

– Чего именно?

– Та женщина не могла убить Ульяну. Разве что она вернулась, и позднее... Но мне показалось, она была так рада, что ребенок снова с ней, что ни о чем другом и думать не могла.

– О чем вы говорите? – заинтересовались подруги.

– Понимаете, я живу в соседнем с этой молодой матерью подъезде. Но балконы у нас расположены очень близко друг к другу. Иной раз в летний день я выношу нашего Петечку на балкон, чтобы он спал на свежем воздухе. И сижу с ним рядом. Ульяна тоже поступала так. Правда, она ребенка оставляла одного. Но он у нее еще маленький. Можно было не волноваться, что он выпадет из переноски.

– А в тот день...

– Балконы наши находятся всего в паре метров один от другого. Поэтому мне было хорошо слышно все, что делалось в квартире Ульяны.

– Да, расскажите, пожалуйста!

– В тот день у Ульяны было много гостей. Сначала к ней пришли какие-то мужчины, судя по голосам, их было трое или даже больше. Я слышала три разных голоса, но, возможно, был еще кто-то, кто молчал все время.

Это были Василий Петрович с Сергеем и Ваней!

– Голоса звучали весьма возбужденно. Я невольно насторожилась. Все-таки молодая женщина с маленьким ребенком, а в квартире несколько взрослых, агрессивно настроенных мужчин. Я бы не хотела остаться в таком положении совсем без защиты.

– И вы стали прислушиваться к разговору, стараясь угадать момент, когда настанет пора вызвать полицию?

– Совершенно верно. Разве я неправильно поступила?

Подруги заверили ее, что совершенно правильно. И, успокоенная их словами, женщина стала рассказывать дальше:

– Сколько я ни прислушивалась, не слышала, чтобы Ульяна проявляла каких-либо признаков тревоги. Она держалась спокойно. А потом мужские голоса стихли, и я поняла, что гости ушли.

– А Ульяна? Она была жива?

– С ней было все в порядке. Она вышла на балкон, оставила там Коленку и вернулась в квартиру.

– И все?

– Нет. Затем к ней поднялась эта женщина.

– А эта женщина, о которой вы говорите, она-то откуда взялась?

– Вот уж не знаю. Только она была очень недовольна.

– Чем?

– Дело в том, что Ульяна оставила Колю на балкончике совсем одного. Мальчик какое-то время спокойно спал, потом что-то его встревожило, и он расплакался. Ульяна не спешила подходить к нему, наверное, была в душе или слушала музыку в наушниках. Мой зять всегда затыкает себе уши наушниками, когда дети плохо себя ведут. Одним словом, Ульяна плач ребенка не услышала, а та женщина, наоборот, услышала.

– Так откуда же взялась та женщина?

– С улицы.

– Шла мимо – и решила зайти к Ульяне?!

– Я так понимаю, она знала, к кому и куда идет. Ей удалось очень быстро успокоить Коленку. Она взяла его на руки, очень нежно прижав к груди. Мальчик быстро успокоился, а та женщина закричала, что Ульяна – аферистка, лгунья и подведет их обоих. Что не о такой сестре она всегда мечтала. А потом она схватила ребенка и выскочила на улицу. Я видела, как она убегает в сторону магазина. Там у нее была припаркована машина. Она села в нее, устроила ребенка на заднем сиденье и уехала.

– А Ульяна?

– Она осталась дома.

– И не протестовала, когда у нее забирали ребенка?!

– Мне показалось, она даже рада была. Во всяком случае, той женщине она напоследок сказала: «Ну и пожалуйста! Забирай его».

– Значит, Ульяна была рада, что ребенка у нее забрали?!

– Еще бы! Ведь она собиралась на свидание.

– Почему вы так решили?

– Я услышала ее голос всего минуту спустя. Мне кажется, она кому-то позвонила. Мужчине, так мне подумалось. И они договаривались о встрече. Ульяна сказала, что все сделано, как было условлено. Она разговаривала по телефону очень кокетливо, поэтому я и думаю, что разговор у нее был с мужчиной. Но с кем – не знаю, не спрашивайте меня.

– Погодите вы с мужчиной! Тут бы с ребенком сначала разобраться! Куда все-таки пропал мальчик Ульяны?

– Вы говорите, женщина забрала у Ульяны ее ребенка и села в машину?

– Да, она несла Колю до машины на руках. А там она устроила его в специальном детском креслице. У зятя тоже такие есть в машине. Удобная штука, не нужно держать ребенка на руках. Да и гаишники требуют, чтобы такие устройства для детей были у всех родителей.

Женщина еще что-то говорила о том, насколько теперь легче растить детей по сравнению со временем ее собственной молодости. И специальные смеси, и детское питание на любой вкус. И одноразовые подгузники, которые ни стирать не нужно, ни сушить, ни гладить. Купил, использовал, выкинул! Красота! И опять же, детские сиденья, чтобы у родителей были свободны руки во время езды.

Но подружки не слушали ее. Мысли их крутились возле Ульяны и ее ребенка.

Колей звали малыша Ульяны. Во всяком случае, так она обращалась к малышу в присутствии Сергея и Василия Петровича с Ваней. Значит, ошибки не было. Неизвестная женщина выхватила у Ульяны ее малыша и скрылась с ним. Но Ульяну эта женщина не взволновала. Соседка слышала, как та сразу же после ухода незнакомки разговаривала по телефону с каким-то мужчиной. Значит, винить в смерти Ульяны эту женщину нельзя. И все равно, подругам очень хотелось отыскать эту особу и поговорить с ней.

Судя по всему, она очень трепетно относилась к ребенку. Ей было невыносимо слышать его плач. Более того, она рассердилась на Ульяну за то, что та плохо смотрела за ним. Если вспомнить одну ее реплику в адрес Ульяны – «не о такой сестре я мечтала!», значит, она – сестра Ульяны. Но почему сестра так близко к сердцу приняла плач племянника? Но откуда она появилась во дворе дома Ульяны? Никто из соседей до сих пор ни разу не упомянул о том, что к старику Леониду приходили сразу две молодые женщины. Все соседи знали Ульяну, но не ее сестру.

– Как же нам найти эту женщину?

Сыщицы задали этот вопрос чисто риторически, не надеясь на помощь окружающих. Но неожиданно получили дельный совет от той же молодой бабушки:

– Я видела, как эта женщина поссорилась с Тамерланом – хозяином нашего продуктового магазина.

– Из-за чего поссорилась?

– Машину свою на место его автомобиля поставила.

С парковочными местами в этом дворе дело обстояло так же проблематично, как и во всем остальном городе. Так что соседи давно уже выделили по кусочку земли для своих железных друзей. Не стал исключением и улыбчивый хозяин маленького магазинчика. Территория возле магазинчика как раз позволяла поставить там – без ущерба для удобства покупателей – одну машину. И вот на это самое местечко и приткнула женщина свою красную машину.

– Я видела, как она о чем-то с Тамерланом возле магазина спорила. Конечно, из окна мне их разговор был не слышен, да и закончился он довольно быстро. Женщина села в машину и уехала. Но все же мне показалось, что они повздорили. Разуштите Тамерлана, возможно, он расскажет вам про эту женщину и ее машину больше меня.

Подружки с благодарностью приняли совет и потопали в направлении магазина. Это было примитивное одноэтажное строение, возведенное из чего попало и для привлекательности облицованное снаружи светло-серым сайдингом. Нельзя сказать, чтобы магазин процветал. Но пара-тройка покупателей в нем все же толклась. Замученная продавщица за прилавком громко крикнула:

– Тамерлан, тут к тебе девушки по поводу твоей машины!

Хозяин магазина появился быстро. Он приветливо кивнул девушкам. Его круглые темные глаза быстро обежали их обеих с ног до головы. Тамерлан был любителем и ценителем женской красоты, так что при виде двух ухоженных красавиц он еще больше повеселел:

– Пойдемте, я покажу вам машину.

Выведя девушек из магазина, он обогнул детскую площадку и показал на внушительных размеров «Мицубиси».

– Машина – зверь, – похвастался он. – Она у меня уже три года, и ни разу я не мог пожаловаться ни на качество, ни на уровень комфорта. Пожалуй, подвеска немного жестковата, но зато за городом проблем не будет.

Он пустился в техническое описание деталей, а подруги слушали и не знали, как его прервать. Они совсем не собирались покупать у Тамерлана его машину, как он, по всей видимости, подумал.

– Простите, – наконец перебила Алена разговарившегося хозяина магазинчика. – Но мы имели в виду совсем другую машину.

– Другую? Но у меня только эта есть.

– Нет, позавчера на этом месте стояла другая машина. Такая красная, маленькая, на заднем сиденье – креслице для ребенка.

По лицу Тамерлана они видели: он понимает, о какой машине идет речь.

– Та машина мне не принадлежит.

– А чья она?

– Не знаю. Это тачка какой-то чокнутой психопатки.

– А кто она такая?

Тамерлан пожал плечами:

– Вы видели эту машину на моем месте и поэтому подумали, что она моя?

– Да. Наверное. Мы услышали, что вы продаете машину, и решили...

– Решили, что красная машинка – моя? – Тамерлан засмеялся: – Знаете, это отличная шутка. Чтобы я – и на такой машине... Нет, это невозможно себе представить!

– Почему?

– Это была крошка «Дэу». Такая маленькая, что я в ней просто не поместился бы. Как видите, меня природа ростом не обидела, а в ту машину я бы даже не влез. Исключительно дамский вариант, никак не для мужчины!

– Но мы хотим ту машину! – сделала вид, что она расстроилась, Алена. – Как нам ее найти?

– Зачем она вам? Та машина – просто кашка! Честно вам говорю, возьмите мою. Не пожалеете!

– Нет, мы хотим ту, которую тут видели! Вы не знаете, как нам найти ее хозяйку?

– Откуда же мне это знать? – удивился Тамерлан. – Мы с ней едва ли парой слов перекинулись. Я заметил, что некрасиво ставить свою машину на чужое парковочное место, а эта истеричка ответила, что земля у нас общая и чтобы я ехал назад к себе домой, если меня это не устраивает.

– И все?

– Все!

– А почему вы назвали ее истеричкой и психопаткой?

– Потому что она такая и есть! Пока мы выясняли отношения, ей кто-то позвонил. Она взяла трубку и закричала: «Пошла вон! Не смей мне больше звонить! Знать тебя не желаю!»

– И все?

– А потом взяла – и швырнула телефон на асфальт. И еще каблуком его припечатала, чтобы он уж точно сломался. И обломки в кусты зашвырнула. Потом меня оттолкнула, села в машину и укатила. И хотя труба у нее была недорогая, даже не сенсор, но все равно жалко. Если уж так тебе не хочется разговаривать с человеком, смени номер, но зачем же сам аппарат портить?

Тамерлан еще долго, наверное, причитал бы по поводу чужого разбитого телефонного аппарата, но Алена его перебила:

- А куда она обломки зашвырнула?
- Что?
- Обломки телефона, где они?
- Ногой в кусты зашвырнула. Вон туда и...

Но договорить Тамерлан не успел, потому что замер с открытым от удивления ртом, наблюдая за тем, как две приличные и хорошо одетые женщины кинулись, опустив к самой земле головы, в кусты густой персидской сирени. И поспешили они туда вовсе не для того, чтобы укрыться в тени листвы от лучей солнца, а для того, чтобы рыскать у корней высоких кустарников.

- И... и что вы там делаете?!
- Ищем!

Искали подруги остатки разбитого мобильного. Вместе с ними они надеялись обнаружить сим-карту, без которой мобильный телефон работать не может. И первой повезло Инге. Очень быстро она набрела на россыпь осколков темно-красного пластика – это было все, что осталось от телефонного корпуса. А спустя минуту присоединившаяся к подруге Алена нашла электронные кишочки погибшего аппарата. И среди них валялась маленькая симка.

- Ура! – обрадовалась Алена, показывая крохотный кусочек подруге. – Нашла!

Инга испытала облегчение при виде этой находки. Слава богу, больше не надо ходить согнувшись в три погибели, выискивая драгоценный кусочек пластика среди крышек от пивных бутылок, оберток от жвачки, самих комочков пожеванной и ставшей безвкусной резинки, а также прочего, далеко не столь безобидного мусора. Перебравшись через низенькую ограду обратно на дорожку, подруги поспешили вставить симку в один из своих собственных аппаратов.

Высветился список контактов. Всего около полусотни, не очень много, но и немало. Впрочем, большинство контактов были весьма лаконичными – парикмахер, документы, сантехник, газовщик и так далее. Они подруг не заинтересовали. Женщины хотели найти что-то более личное.

- Вот этот подойдет. «Мама».

– Да, мамы обычно хорошо осведомлены о том, что делается у их дочерей, даже если они совсем большие, давно замужем и в их ежедневном контроле давно не нуждаются.

Алена знала, о чем говорит. Ее собственная мамочка до сих пор не могла спокойно заснуть ночью, если вечером ей что-то показалось в Алене странным. Что поделаешь, материнское сердце не изменишь. Оно будет тревожиться и страдать за своего ребенка, даже если у того у самого давно есть дети, внуки или даже правнуки.

– Алло, добрый вечер, мне необходимо поговорить с владелицей красной машины «Дэу» с детским креслицем на заднем сиденье. Ах, это ваша дочь? Лена? Очень хорошо. Скажите, а как я могу ее найти? Зачем? Понимаете, я нашла ее сотовый телефон, хочу отдать. Да, именно с этого телефона я вам и звоню. Видела, как ваша дочь садится в свою красную «Дэу», а потом нашла на месте парковки телефон. Вот теперь хочу вернуть трубку. Ах, вот как... Да, действительно, раззява. Нет, мне не трудно. Не нужно извиняться, помогать ближним – это долг каждого порядочного человека. Тем более что я ничем особенно не занята сейчас. Да, диктуйте, да, записываю. Да хватит уже благодарить меня, диктуйте адрес вашей дочери!

Они совсем забыли про Тамерлана, который с выпученными от удивления глазами все это время следил за их действиями. То, как они звонят матери посторонней им женщины, как нахально врут про найденный телефонный аппарат, хотя прекрасно знают, что тот уничтожен и вернуть его прежней владелице невозможно... А теперь вот еще и помчатся к этой женщине, раз вытребовали у ее матери нужный адрес!

– Женщины! – вздохнул Тамерлан, когда подруги уже скрылись вдаль и не могли его слышать. – Один Аллах ведает, что у них на уме! Чем им не понравилась моя машина? Зачем

им та красная «Дэу»? Они обе уже не девочки. Крупные зрелые женщины. Да они вдвоем в нее даже не влезут! А если и влезут, то выглядеть будут просто глупо!

Сыщицы давно скрылись из виду, а он еще долго стоял и смотрел им вслед. И все так же недоуменно покачивал головой, силясь понять непредсказуемую женскую натуру и с огорчением понимая, что, увы, ему это не под силу.

Глава 5

Добраться до владелицы красного «Дэу» оказалось совсем не так просто, как предвиделось подругам. Они получили ее адрес, но тут же вплотную встал вопрос о перемещении по городу. На чем им ездить? Машину, на которой Алена с мужем прикатали из своих «Дубочков», забрал Василий Петрович с Ваней. У Инги машины не было. До замужества ее всюду, куда нужно было, подвозил папа. Потом она вышла замуж, и ее стал возить муж. Ну, а после того, как муж и сын эмигрировали в Великобританию, а родители стали совсем старенькими, Инга ходила пешком.

Она и сейчас бы спустилась в метро, а потом воспользовалась услугами маршруток или частника. По глубокому убеждению Инги, в большом городе, где на дорогах всегда многокилометровые пробки, куда разумнее пользоваться услугами подземки. Или муниципальным наземным транспортом, для маршрутов которого выделены отдельные полосы движения. Там не бывает пробок, и поэтому движению транспорта ничто не мешает.

Порою неторопливо двигающийся автобус оказывается в месте назначения куда быстрее, чем гоночный болид, способный при желании развивать скорость до трехсот или даже трехсот пятидесяти километров в час. Способный-то он способный, но вот только где и как он разовьет такую скорость? Уж точно, не на запруженных городских улицах в часы пик, лавируя между другими машинами.

– Я пешком не пойду! – решительно отказалась Алена. – Эти туфли не предназначены для ходьбы по городским улицам. – И жалобно добавила: – Еще чуть-чуть, и они меня вконец доконают!

– Зачем ты их вообще надела сегодня?

– Я же не думала, что все так обернется. Вася мне описывал все совсем иначе. Поедем, поговорим с Ульяной, выработаем общий план действий, а потом – в ресторан. Кутить и отмечать скорое получение Сергеем наследства.

– А вместо этого...

– А вместо этого Сергей сидит за решеткой, Вася с Ваней уехали искать детектива, а мы с тобой меряем асфальт километрами.

– Пока что мы прошли от силы пятьсот метров.

– Мне и этого много!

Вариантов было всего два. Либо купить новую и куда более удобную для пеших прогулок обувь для Алены, либо... либо вызывать Василия Петровича или Ваню, чтобы они забрали стершую ноги Алену домой.

– Обувь! – решительно заявила Алена. – Мне нужна другая обувка!

Обувной магазинчик находился довольно-таки близко. Алена смогла доковылять до него и рухнула на первую же скамеечку в зале, словно бы ноги ее больше не держали. Пока подруга приходила в себя, Инга огляделась по сторонам, и сердце у нее упало. Они оказались в магазине, который только условно мог бы называться обувным. На самом деле, обувной отдел тут был ограничен всего лишь несколькими полками. Остальное пространство магазина занимали куртки, ремни, сумки, перчатки и еще какие-то предметы из кожи.

Вздыхнув, Инга сосредоточила свое внимание на небольшом ассортименте обуви, имевшемся в этом магазине. К ее удивлению, тут был широкий выбор резиновой обуви, а также зимних и демисезонных сапог. Летней же обуви почти совсем не было.

– У нас дисконт-центр, – пояснила ей девушка-продавец. – Торгуем тем, что осталось нераспроданным в других магазинах. Цены невысокие, но выбор ограничен. Почти все изделия – в единственном экземпляре.

– А размеры?

– И с размерами тоже негусто. То, что вы видите на стенде, вот и все, что у нас есть.

Инга вздохнула еще глубже. Немыслимо предложить Алене надеть летом зимние сапоги. Хотя вон те были бы очень удобны. Они кожаные, на устойчивой невысокой платформе. И даже на расстоянии видно, как добротны они пошиты. Пожалуй, Инга взяла бы их себе. Размер как раз ее, да и цена – ниже некуда. Может, примерить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.